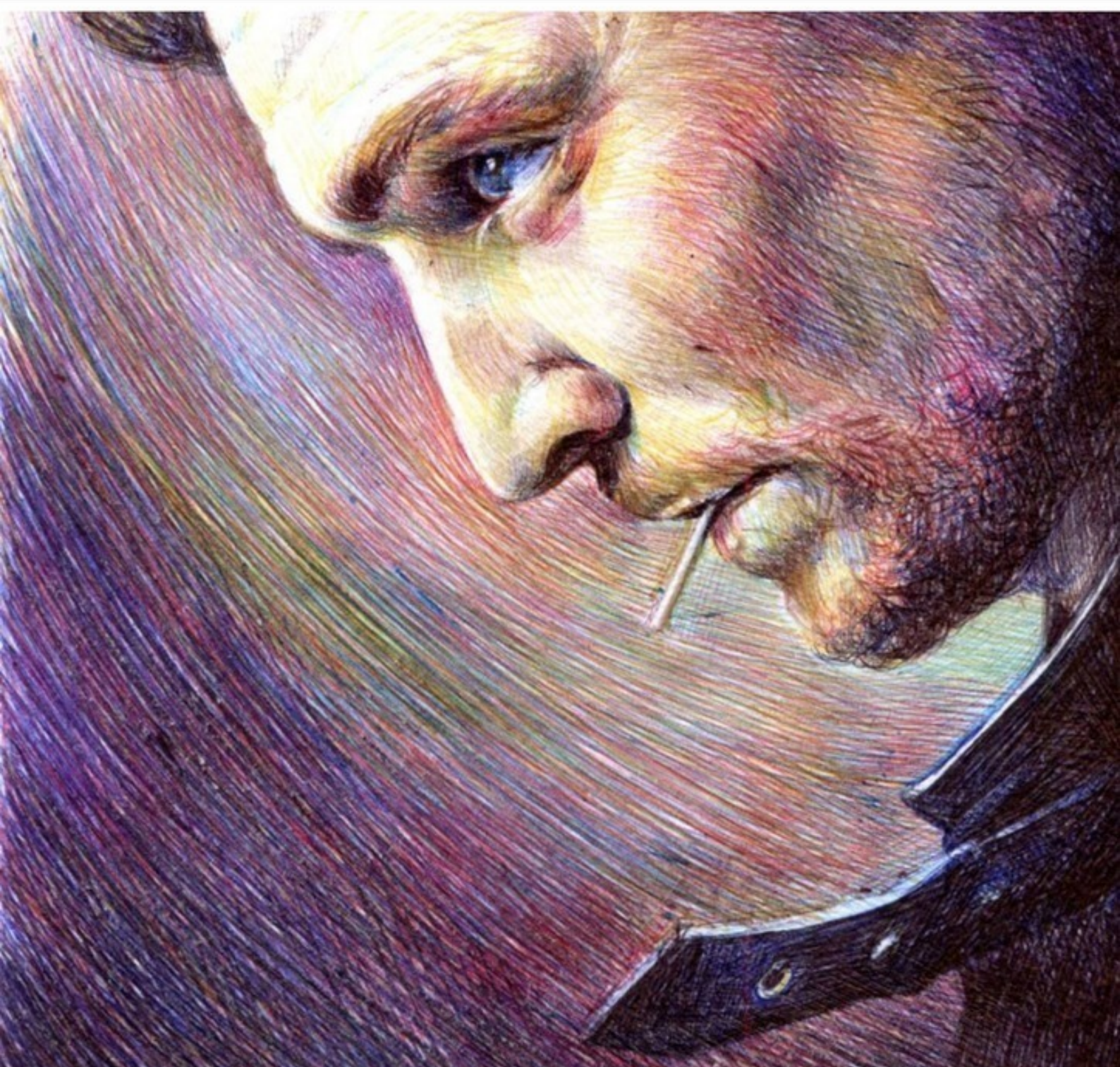

МАРИНА АЛИЕВА

Мистер Игрек Рок

Марина Алиева

Мистер Игрек Рок

«Издательские решения»

Алиева М.

Мистер Игрек Рок / М. Алиева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937537-7

Странный город, странные жители. Все доброжелательны и богаты, все готовы признать за своего человека, пришедшего ниоткуда и совершенно ничего о себе не помнящего. Только визитка со странным же именем и указанием на то, что пришелец является доктором... Однако, день за днём таинственный мистер Рок встречается с людьми и обстоятельствами, которые заставляют его думать, что в городе он появился не случайно.

ISBN 978-5-44-937537-7

© Алиева М.

© Издательские решения

Содержание

МИСТЕР ИГРЕК РОК	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРИШЕЛЕЦ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ. ОТЕЛЬ «АХЕЯ» И «ЗАТОНУВШИЙ МЕШОК»	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СТРАННЫЙ БАНКИР И ПСИХОЛОГИЯ ОДЕЖДЫ	27
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. МЫСЛИ, СОМНЕНИЯ, РАЗГОВОРЫ	35
ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОЖАЛУЙ, ТОЛЬКО СОМНЕНИЯ...	42
ГЛАВА ШЕСТАЯ. О ВРЕДЕ И ПОЛЬЗЕ ТОГО, ЧТО НАЗЫВАЮТ «НАПЕРЕКОР»	48
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ДЕНЬ ПОЛНЫЙ ВСТРЕЧ!	52
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мистер Игрек Рок

Марина Алиева

*Я тень из тех теней, которые, однажды
Испив земной воды, не утолили жажды
И возвращаются на свой кремнистый путь,
Смущая сны живых, живой воды глотнуть.*
Арсений Тарковский

© Марина Алиева, 2018

ISBN 978-5-4493-7537-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МИСТЕР ИГРЕК РОК

Всё случилось как-то не так. Точнее, не случилось, а просто стало. Какой-то звук..., даже не крик, не удар, и даже не что-то разбилось, а нечто тревожное. Словно кто-то подвёл черту и поставил точку...

Нет, не точку...

Точка – это что-то мягкое, размазанное по листу, а тут был метко нанесённый удар. Едва заметный прокол целого улья то ли мыслей, то ли воспоминаний. И всё это растревоженное вздрогнуло, зашевелилось и потекло наружу. Сначала лениво, неспешно, словно не было уверено, что можно и нужно. Но потом осмелело, набухло и всей мощью хлынуло вон!

Лопнуло...

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРИШЕЛЕЦ

1.

Зимой в лесу грустно. Особенно ночью.

Тихо поскрипывают замёрзшие стволы и ветви. Комочки снега, что налипли на них задень мокрым и рыхлым повторением всех изгибов и неровностей, теперь, когда ночной холод превратил в лёд всю снежную влагу, бесшумно падают в перину сугробов вниз, увлекая за собой всех других, кого удалось зацепить. Маленькие ямки от падений мгновенно наполняются густо-синими тенями, леденеют по краям и остаются цепочкой крошечных, неровных шажков, словно какой-то психованный лепрекон оббежал тут каждое дерево, ища местечко где можно припрятать своё золото. Чуткая птица откроет было на шорох любопытствующий глаз, да и заснёт снова. А надо всем этим холодно и отстранённо висит луна, с целым выводком звёзд сонно помигивающих с ночного неба, как глаза не до конца разбуженных детей, которые никак не могут понять, померещилось им, или нет, что по лесу идёт человек?

А человек на самом деле шёл.

Самый настоящий, непонятно откуда взявшийся, он брёл между деревьями, по колено увязая в сугробах и, кажется, совсем этого не замечал. Механически выдерживал ноги, высоко вскидывал колени, но выглядели эти движения слишком старательными для того, кто заблудился и теперь этим обстоятельством обеспокоен. Человек даже дороги не выбирал и, если вдруг проваливался глубже обычного, то лишь махал сильнее руками, выравнивал тело до прежнего положения, а потом снова выдёргивал ногу и шёл дальше, ничуть не смущаясь тем, что следующий шаг может снова утопить его в снегу по пояс. Выглядело это так, будто под сильным гипнозом кто-то сказал человеку: «Иди!», и он пошёл.

Изредка однообразные движения прерывались. Человек останавливался, словно для того, чтобы осмотреть местность вокруг себя, но лицо его при этом ничего не выражало, только руки, безвольно висящие вдоль тела, продолжали двигаться смешно, и нелепо. Однако, ещё до того, как останавливались эти автономно отмахивающие руки, человек закрывал глаза, бессмысленно пожимал плечами и шёл дальше.

Одет он был не по сезону в тёмное длиннополое пальто, застёгнутое только на одну, среднюю, пуговицу. Без шапки. Шарф, который можно было бы намотать на голову и, тем самым, хоть как-то уберечься от мороза, путался с руками и так же безвольно болтался поверх пальто. Казалось, его набросили второпях, в самый последний момент перед тем, как злая воля неведомого гипнотизёра лишила человека возможности что-либо воспринимать. Зато сразу было видно, что вещи эти очень дорогие и, скорей всего, сделаны на заказ.

Иногда длинные полы пальто цеплялись за обмороженные ветви, широко распахивались, и становился виден стального цвета костюм с намокшими от снега брюками, светлая рубашка с расстёгнутым воротником и чёрный, кое-как засунутый за жилетку галстук, чей полураспущенный узел выпирал вперёд, словно кадык.

Лицо странного путешественника со всем остальным обликом вразрез ничуть не шло. Это сейчас оно сохраняло выражение полной бессмысленности, но можно было предположить, что когда-то и где-то, в обстановке более естественной, лицо это вполне могло произвести впечатление самое благоприятное и даже более того – привлечь к себе, далеко не мимолётное внимание.

Тёмные с рыжиной волосы стрижены и причёсаны не самым последним парикмахером, который прекрасно понимал, как выгодно оттенит его укладка высокий лоб и холодные глаза. Судя по всему, радужная оболочка этих глаз приобретала голубой оттенок в минуты расслабления и удовольствия, но всё остальное время оставалась серой, будто закрытой, ледяной сталью. Бесспорно, человек умел смотреть в глаза любому. А плотно и надменно сжатый рот выдавал

умение говорить с кем угодно с позиций того, кто лишнего не скажет, но, если скажет хоть что-то, то почти всегда будет прав... И завершал картину нос, явно заготовленный для классического античного профиля. Этому носу не придумать было лучшего эпитета, чем «стремительный». Он будто вытаскивал своего владельца из футляра стандартов в некое одухотворённое пространство, чем делал всё лицо порывисто вытянутым навстречу то ли опасности, то ли вдохновению. Такие лица, как правило, не любят пожилые леди, потому что из-за слишком тонких губ, считают их обладателей людьми злыми. Возможно, так и было, и многое в облике мужчины позволяло думать, что человек он жёсткий, но, при этом, назвать этот облик отталкивающим не решился бы никто. Пожалуй, тут был тот редкий тип привлекательности, который ещё не по зубам юным девушкам, падким на сказочную очевидность, но зато вполне понятен уверенным в себе зрелым женщинам – тем, что не столько смотрят, сколько чувствуют, опираясь на опыт.

Между тем чудаковатый путник, продолжая механически выдёргивать ноги из сугробов, внезапно вышел на опушку. Там он слегка помедлил, как будто не мог понять, что теперь делать, и оглянулся.

Сиротливая цепочка следов из морозного лесного нутра выглядела печально.

Тут лицо человека впервые дрогнуло и отразило смертную тоску. «Назад ни за что», – мог бы сказать мужчина, но говорить было не с кем, поэтому он повернул вперёд и вздохнул, как пловец, готовый нырнуть в океан.

Прямо, насколько было видно, простиралось гигантское одеяло снега, тускло подсвеченное луной так, что казалось одной густо-синей тенью. Далеко-далеко, на противоположной стороне виднелось несколько огоньков, источник которых невозможно было определить из-за большого расстояния, но мужчина вдруг совершенно утратил бессмысленное выражение лица, прищурился, пробормотал: «Ах, вот оно что...», и решительно двинулся в сторону огней.

Да и кто бы поступил иначе?

2.

Все маленькие городки похожи друг на друга...

Кажется, где-то такое уже говорилось?

Или это говорилось про счастливые семьи?

Впрочем, что такое маленький городок, как не одна большая семья? Точнее, что это, если не дом для одной большой семьи. Всё в нём точно так же, как и в таком доме. Все друг друга знают, почти все друг с другом в родстве от близкого прямого до самого отдалённого, и все живут по правилам, установленным неведомо когда и соблюдаемым нерушимо, потому что из-за своей древности правила эти почему-то считаются особо верными и нравственными. Плюс к этому, неукоснительное соблюдение дедовских обычаев, для маленьких городков, почти всегда элемент стабильности и уверенности в завтрашнем дне!

Только ленивый не сравнивал такие городки со стоячей водой, где на дне полно осевшей мути, а по верху благостная тишь, да гладь. Но подобрать сравнение которое бы так же удачно и так же полно отображало суть их существования, теперь уже не легко, поэтому приходится использовать сравнение рутинное, тем более, что морозной ночью маленький городок, крепко спящий, как и положено в ночное время, мало чем отличался от сонной заводи, которых полно в дремучих и мрачных лесах, вроде того, откуда вышел странный человек. Если б можно было добавить к этой зимней и сонной картине ветер, то по улице непременно летал бы ещё и пустой пакет, болтались со скрипом вывески, и обязательно пробежала бы бесприютная собака...

Впрочем, собака по окраине городка, так и быть, пробежала. Остановилась, было, на мгновение, посмотрела на далёкий тёмный силуэт в заснеженном поле, да и побежала себе

дальше. Морозный воздух колыхнулся от жара из её пасти, и всё. И снова тишь, да гладь. И один лишь скрип приближающихся шагов...

В момент, когда странный человек ступил на окраину городка, чьи огни заметил выбравшись из леса, небо на востоке уже начало светлеть, из-за чего сходство сонных улиц с аквариумным застоем только усилилось. Набирающий силу рассвет уравнивал цветовые контрасты, всё вокруг сделалось водянисто-мутным, и только свет фонарей, похожий на кляксы бледного чая, вносил кое-какое оживление в общую призрачную серость.

Судя по внешнему виду мужчины, дорога через поле приятной не была. Полы его пальто, брюки и даже концы шарфа покрылись наледью в тех местах, где были пропитаны снегом. Замёрзшее лицо бледностью соперничало с луной, уже заметно потускневшей, и только глаза человека, прежде неподвижные и смотрящие прямо перед собой, теперь отчаянно метались по сторонам, словно ему не терпелось что-то отыскать.

Миновав несколько коротких улочек, мужчина свернул в проулок, потом в другой, третий – все безликие и безымянные, потому что брёл он так же незряче, как и по лесу и выискивал явно не уличные указатели. Однако к цели его определённо что-то вело, потому что, опять же, ничуть не плутая и не замирая в неопределённости, он решительно свернул в новый проулок и оказался как раз там, куда, похоже, и стремился. И здесь окаменевшее лицо второй раз дрогнуло, озарившись не столько подобием улыбки, сколько мыслью о ней, ибо улыбаться окоченевший человек уже не мог.

На ближайшем доме ярко горела вывеска: «Отель «Ахея».

Мужчина невесомо выдохнул и закрыл глаза. Как всегда бывает, последнее усилие, когда цель уже перед носом, оказывается самым трудным. Он покачнулся, еле удержав равновесие растопыренными, негнущимися руками, и пошёл прямо ко входу в отель, куда вели три деревянные ступеньки.

3.

Зачем-то ступени эти были обиты ковром, заиндевевым, истрёпанным и таким ветхим, что восстановить его цвет и рисунок не смог бы даже чародей. Сама дверь деревянная, полукруглая с мутным окошком-иллюминатором, подсвеченным изнутри золотистым светом, оснащена была флюоресцентно яркой кнопкой звонка, надавив на которую человек услышал звук корабельной рынды. Он еле заметно вздрогнул, уронил руку, которую поднимал к звонку, изогнувшись всем телом, и замер в ожидании.

Спустя мгновение за дверью торопливо зашаркали. Один за другим отодвинулись засовы, (человек машинально отсчитал пять), и дверь с патриархальным скрипом раскрылась, явив гостю силуэт, то ли старичка, то ли сильно согнувшегося человека в колпаке и, вроде бы, в халате, в воротник которого он зябко кутал своё горло.

– Ах! Боже мой! Боже мой! – тут же запричитал силуэт.

Выскочил за порог, обхватил пришельца за плечи и, не переставая причитать, повлёк внутрь, где оказался, всё же, не стариком, а вполне крепким мужчиной лет пятидесяти.

– Как же вы так?! По этакому морозу! Без шапки!.. Ах, Боже мой! Ботинки-то, ботинки... Ах! Вы, верно, заблудились?.. Нет! Ничего не говорите! Скорей, к камину, и никаких разговоров пока не выпьете кружку глинтвейна и не согреетесь!

Дверь за их спинами захлопнулась, словно отсекла и холод, и дорогу, и всю неприютность уходящей ночи. Мужчина позволил усадить себя в кресло, немного потёртое, но всё ещё с обоснованной претензией на роскошь, и разом как-то обмяк. Кресло оказалось тёплым и уютным, от чего сразу потянуло в сон. Но едва веки гостя начали опускаться, как его тут же суетливо потрясли за плечо.

– Нет, нет, не спите пока! Вам необходимо себя прогреть!

Голова мужчины с откровенным усилием поднялась. Он как-то изумлённо и покорно принял высокий стакан с дымящимся напитком, обхватил его ладонями и сделал глоток, глядя поверх края стакана на приветливого хозяина.

– До дна! До дна! – замахал тот руками. – Вы же, сударь мой, совсем замёрзли! Смотрите, вот тут, на плече корочка ледяная. Позвольте ваше пальто, я его просушу.

Пришелец не успел ничего ответить, как уже был ловко приподнят и раздет до костюма. При этом хозяин, (или, кто его знает, может просто ночной портье), ухитрился заботливо вытянуть тёплый стакан из окоченевших ладоней, выдернуть руки гостя из рукавов и вернуть стакан на место всего за пару мгновений. Потом он критически осмотрел начавшие оттаивать брюки и ботинки, немного подумал, вытолкнул откуда-то ногой пару смешных домашних тапок и с извиняющейся улыбкой принялся гостя разувать.

– Не рискну предложить вам снять ещё и брюки, но скоро утро, встанет моя жена, и уж она придумает, что можно дать на первое время, пока ваша одежда будет сохнуть. А пока вот, только это.

Он удовлетворённо нахлобучил тапки на босые, негнувшиеся ноги мужчины, подsunул под них скамеечку, смягчив её подушкой, и слегка развернул каминный экран, чтобы всё тепло шло на гостя.

– Ну вот, сейчас выпьете, согреетесь, потом получите лучшую из комнат, где сможете поспать, а утром..., нет, простите, уже днём я вас зарегистрирую. Тогда и расскажете, как вы тут у нас очутились. Без этого никак, народ здесь чертовски любопытный, и уже утром все увидят следы на снегу, по которым догадаются, что ночью в город кто-то пришёл. Для нас это большая редкость... Ну, пейте, пейте! И теперь уже не молчите. Лицевые мышцы надо как-нибудь размять, чтобы кровь прилила... Может, скажете хотя бы имя?... А?... Что? Не слышу... Вы имя-то своё помните?

Мужчина поднял от почти уже пустого стакана глаза, ставшие в тепле этой гостиной совсем голубыми, и, подумав, кивнул, опять же, с изумлением, словно он и сам не ожидал, что помнит собственное имя.

– Помните! – всплеснул руками то ли хозяин, то ли портье. – Так скажите, и я, прямо сейчас, внесу ваше имя в книгу гостей?

Мужчина с усилием разомкнул губы, что-то беззвучно выдохнул, поморщился, после чего сделал ещё одно усилие и, сорвавшись на фальцет, вытолкнул из себя:

– Рок.

– Рок? – удивился портье-хозяин. – Это фамилия?

Снова кивок.

– А имя?

– Иг.

Портье-хозяин приподнял бровь и с профессиональной любезностью уточнил:

– Мистер Иг Рок?

Лицо мужчины застыло, словно он к чему-то прислушивался.

– Нет, – произнёс он неуверенно, – моё имя Игрек. А Иг сокращение для друзей.

– Так вы мистер Игрек Рок?

– Кажется, да.

Пришелец снова к чему-то в себе прислушался, потом повторил уже уверенней:

– Да..., да.

Стакан из его руки вдруг выпал и покотился по ковровому покрытию, оставляя за собой длинную тонкую лужицу, похожую на след от текущей из раны крови.

– Простите, – прохрипел мужчина, не отрывая от стакана глаз.

– Ничего, ничего, – снова закудахтал заботливый портье-хозяин, – я всё понимаю... Давайте помогу вам встать и провожу в комнату. Хороший сон отличное средство, чтобы про-

гулку, вроде вашей, превратить в сказку со счастливым концом! Пospите, отдохнёте, и завтра всё уже будет хорошо.

– Нет! – воскликнул вдруг мистер Рок. – Я не хочу спать!

Резким движением он сдёрнул ноги со скамеечки, нагнулся, поднял стакан и посмотрел на портье-хозяина со странной яростью.

– Я хочу, чтобы вы меня зарегистрировали! Прямо сейчас! Потому что... Потому что понятия не имею, кто я такой, и как сюда попал!

4.

Напольные часы в углу равнодушно отбили половину какого-то часа

– Как так, не имеете понятия?! – удивился хозяин отеля.

Скорей всего, он таковым и являлся, потому что, начав двигаться и разговаривать, пришелец первым делом увидел на стене большой помпезный портрет, изображавший его себе-седника в греческих доспехах и с поднятым мечом. Само собой, выглядел там хозяин куда моложавей, чем теперь, но узнать его труда ещё не составляло. Взгляд мистера Рока зацепился за этот портрет и, с каким-то испугом забежал по убедительно нарисованным волнам со вздыбленным на них корпусом корабля. Волны эти служили портрету фоном, а рама, явно сделанная под него на заказ, была густо залеплена ракушками и осьминогами.

– Как не имеете понятия? – переспросил хозяин, видя, что в первый раз его толком не услышали. – Вы же только что называли мне своё имя!

– Да, назвал, – неуверенно подтвердил гость. – Но до того момента, как вы спросили, я не помнил и его. Возможно, если вы спросите ещё что-то, я вспомню и остальное.

Хозяин с сомнением потёр подбородок.

– Ваше имя такое странное... Вы уверены, что правильно его вспомнили?

Мужчина отрицательно покачал головой.

– Не знаю. Я вообще ни в чём не могу быть сейчас уверен, но так, хотя бы что-то вспоминаю!.. Ведь не выдумал же я его в самом деле?! Сами говорите, имя странное... Оно просто сразу пришло на ум. При этом, я абсолютно точно помню, что Игом меня зовут друзья, а Игреком все остальные! Разве можно такое придумать?

– Придумать можно что угодно, – философски заметил хозяин. – Но в вашем случае, а более всего в вашем состоянии, соглашусь, не до вымыслов. Люди обычно выдумывают себе новые прозвища, когда хотят настоящее имя скрыть, или не слишком им довольны. Но тогда в ход идут имена вычурные, как правило, кем-то, когда-то уже прославленные, либо совсем уж обычные для неприметности. У вас же имя просто странное, так что..., почему бы и нет?

– Тогда регистрируйте меня и спрашивайте дальше!

Говоря это, мужчина повелительно махнул рукой, в которой всё ещё был зажат стакан, и, судя по взгляду хозяина отеля, этот жест незамеченным не остался.

Несколько секунд он смотрел на мистера Рока с видом врача-академика, который только что выслушал жалобы какого-то уникального больного и сейчас не просто перебирает в уме способы лечения, а рождает целую новую методику. У него и интонации в голосе появились академические, когда, поддёрнув до локтей рукава немилосердно растянутой вязанной кофты, (а вовсе не халата, как показалось вначале), он вдруг азартно потёр руками и бодро произнёс:

– А знаете, давайте! Мне и самому будет интересно поучаствовать, в восстановлении вашей памяти!

Сдёрнув с головы колпак, шмыгнув за стойку, освещённую лампой в золотистом абажуре, залез в шкаф, которому уместней было бы стоять где-нибудь на кухне, и торжественно извлек оттуда распухшую от старости книгу размером со старинный атлас какого-нибудь государства. Хозяин водрузил книгу на стойку, где широким жестом её раскрыл, слегка смутившись облач-

ком пыли со страниц, потом послунывил палец и, полистав до пустых, незаполненных граф, внимательно рассмотрел последнюю запись.

– Так, так, – пробормотал он, облизывая губы и причмокивая, – сначала вносим фамилию... «Рок», правильно? Потом имя. «Игрек»... Всё-таки, очень странное, но интересное, уж в чём не откажешь, так в этом точно. Вы определённо станете очень популярны в нашем городе, мистер Рок... Так, что ещё? Дата рождения...

Хозяин вопросительно уставился на гостя.

– Не помню, – отрезал мистер Рок. – Давайте дальше!

Брови хозяина выразительно подвигались.

– Что ж, бывает, заметил он. – Тут я вам, пожалуй, позавидую... Ладно, дальше, так дальше. Место жительства, профессия... Вы помните, где жили и чем занимались?

Лоб у пришельца пошёл складками и стал похож на загривок шарпея.

– Нет, – выдавил он после минутного раздумья.

– Ну и ничего, ничего, – ласково успокоил хозяин, уловивший в голосе гостя неподдельное отчаяние. – Не всё сразу. Профессия не имя. Знаете, как бывает, человек или не любит то, чем занимается, или занимается всем понемногу, а потом, в стрессовой ситуации из всей этой каши не может выбрать главное... Я вам честно скажу, в том, что касается профессий торопиться вообще не следует. С вашим странным именем я вполне готов согласиться, но, скажи вы мне сейчас, что работали простым клерком, или, прости Господи, торговым агентом, не поверил бы ни за что, даже если бы у вас подобный ответ, что говорится, от зубов отскочил! Так что, не отчаивайтесь, сейчас мы начнём всё вспоминать без спешки и с позиций логики.

Своим колпаком он протёр стойку перед собой и бросил его рядом, словно поставил точку. Потом оперся о протёртое место с видом генерала, строящего диспозицию.

– Давайте разбираться, мистер Рок. Судя по одежде, человек вы не бедный, значит, всякую чёрную, подённую и прочую работу, которая требует физических усилий, мы сразу отмечаем. Так?

Гость кивнул, поставил, наконец, стакан и с откровенным интересом облокотился на стойку с другой стороны.

– Опять же, судя по одежде, – продолжал хозяин, – человек вы не просто не бедный, а откровенно состоятельный. Поэтому, из всей линейки умственного труда мы смело можем исключить сферу образования и творчества.

– Почему? – удивился мистер Рок. – Разве я не могу быть известным актёром?

– Нет! Нет! Только не актёром! Всех, кто, простите, торгует лицом, мы здесь отлично знаем, ибо, как я уже упоминал, крайне любознательны и многими вещами интересуемся. А ваше лицо, увы, очень приятно, но совершенно незнакомо. Лично я просматриваю по телевизору все каналы и знаю, как выглядят даже ведущие кулинарного шоу! Что уж говорить о прочих, тем более об актёрах!

Гость сосредоточенно побарабанил по стойке пальцами.

– А как насчёт успешного литератора или художника?

Хозяин вздохнул.

– Нет, господин Рок, для деятелей этой категории вы одеты слишком строго и слишком со вкусом. У нас тут живут несколько представителей, так называемой, богемы, которые душу бы продали, чтобы выглядеть так же, как вы. Но, голову даю на отсечение, пусти их в самый, что ни на есть, солидный магазин, знаете, что они выберут?... Впрочем, откуда вам знать! А вот я уверен, что они перевернут магазин вверх дном, но отыщут что-то в дикую клетку, или с броскими деталями. Что делать, порода такая. Лицом не торгуют, но без внимания к себе вянут... А, кстати, как вы насчёт внимания к себе, мистер Рок? Никаких ассоциаций в связи с этим не появляется?

Глаза мужчины беспокойно забегали, кадык дёрнулся.

– Нет, – сказал он еле слышно.

– Конечно, нет, – пожал плечами хозяин. – Я бы сильно удивился окажись вы кем-то из таких.., богемных. Или, что совсем уж плохо, каким-нибудь ведущим политической программы... Хотя.., что это я? Мы же этих всех знаем.

Он засмеялся.

– Тогда, кто я?! – воскликнул мистер Рок. Глаза его стали серыми и совсем беспомощными. – Почему дальше ничего не вспоминается?!

– Потому что мы не всё ещё перебрали, – ласково ответил хозяин, снова превращаясь в медицинского академика. – До сих пор только исключали то, что вам откровенно не подходит, а теперь давайте перебирать подходящее. В первую очередь я бы определил вас, как дипломата. Во вторую, как владельца крупного концерна... Вы золото никогда не добывали? Нет? Ну, в крайнем случае, вас можно принять за преуспевающего юриста.

Мистер Рок рассеянно покачал головой. Было видно, что из предложенного ничто ему не близко. Во всяком случае, ни душа, ни разум не отзывались никаким узнаванием.

– Я ничего не помню! – простонал он. – Совсем ничего!

И упал головой на стойку.

5.

Часы пробили снова как раз в тот момент, когда хозяин отеля поднял руку, чтобы ободряюще похлопать мистера Рока по плечу. И, почти тут же, из тёмного коридора, что вёл в недра отеля, послышались шаги.

– Вот и Ленеоппа проснулась! – сказал хозяин таким тоном, словно гостя это обстоятельство обязательно должно порадовать.

Мистер Рок поднял голову.

– Кто? – переспросил он.

– Ленеоппа, – повторил хозяин. – Это моя жена. Она гречанка.

В этот момент в дверном проёме показалась заспанная пожилая женщина с плотно приглаженными по голове седыми волосами. Она куталась в огромную тяжёлую шаль, которая производила впечатление не связанной, а сплетённой из толстых, неровных нитей иужасно походила на шубу. Внизу, из-под густой бахромы выглядывал синий подол то ли юбки, то ли платья, а из-под него торчали такие же смешные тапки, как и те, что красовались сейчас на ногах мистера Рока.

Женщина сощурила глаза на яркий свет гостиной и, пока произносила: «К нам кто-то пришёл, Луисс?», успела водрузить на нос взятые с каминной полки очки.

– Да, – торжественно оповестил её хозяин, – позволь представить тебе, дорогая, мистера Рока, который уже час как прибыл в наш город и в наш отель!

Глаза женщины, изрядно увеличенные очками и оказавшиеся цвета спелых маслин, сделались совсем огромными.

– Прибыл? – переспросила она, растягивая слово, как это обычно делает тот, кто сам не верит тому, что говорит. – Он что, на чём-то приехал?

– Нет! – почему-то гордо ответил хозяин. – Он пришёл пешком! И совсем ничего о себе не помнит, кроме имени!

Ленеоппа подошла ближе и взяла мистера Рока за руку.

– Батюшки! Совсем окоченел! Вам же надо немедленно принять ванну, господин Рок, переодеться в сухое, поесть и в постель!

Она сердито повернулась к мужу.

– О чём ты только думал, Луисс?! Человек в мокром костюме целый час! Ты хотя бы дал ему выпить?

– Он дал, – вмешался мистер Рок и, для подтверждения слов, поднял со стойки стакан из-под глинтвейна. – Он и спать предлагал, и переодеться... Это я ничего не хотел, пока не вспомню, хоть что-то о себе... Отдыхать, когда в голове пустота, невозможно!

Ленеоппа сочувственно посмотрела на него.

– Никаких документов? Бедняга. Пройти такой путь, чтобы понять, что сам себя не знаешь... А вы смотрели в карманах? Может, завалилось какое-нибудь письмо, или визитная карточка.

Мистер Рок с Луиссом разом повернулись друг к другу. Лицо хозяина смущённо сжалось.

– Я как раз хотел предложить..., – пробормотал он.

– Так вы не смотрели?! Силы небесные! – Ленеоппа воздела руки к потолку, потом ткнула пальцем в мистера Рока и почти приказала. – Вы осмотрите костюм, а я пока проверю пальто.

Она прошла к вешалке у камина, где висело покрытое испарениями пальто мистера Рока и, морщась, полезла в сырое нутро кармана. Сам же мистер Рок в это время торопливо проверял содержимое пиджака.

– Ничего, – сказал он через мгновение, одной рукой выворачивая наружу подкладку брючного кармана, а другой исследуя внутренности жилетного кармашка для часов.

– А у меня есть! – торжествуя сообщила Ленеоппа. – Как раз, визитная карточка.

Она показала маленький белый прямоугольник, и мистер Рок с Луиссом бросились к ней с одинаковой поспешностью.

На распухшей от сырости, когда-то глянцевой картонке изысканным почерком сообщалось: «Мистер Игрек Рок, доктор»

– Доктор? – разочарованно протянул Луисс.

– Доктор? – недоверчиво пробормотал Рок. – Но доктор чего?

Он вопросительно посмотрел на Луисса.

– Откуда ж мне знать, – пожал плечами тот. – Но зато имя вы вспомнили верно, и это уже хорошо!

Тогда мистер Рок перевёл взгляд на Ленеоппу и успел заметить, что она подаёт мужу какие-то знаки и выразительно двигает бровями.

– Что? – спросил мистер Рок. – Что такое? Вам что-то говорит тот факт, что я доктор?

– Он доктор, – с нажимом на последнее слово произнесла Ленеоппа, не сводя глаз с мужа и не обращая никакого внимания на вопрос гостя.

– Я слышал, – ответил Луисс.

Потом вдруг тихо охнул, отступил и посмотрел на мистера Рока так, словно увидел привидение.

С минуту все стояли неподвижно и молчали.

– Мистер Рок, – прокашлявшись заявил, наконец, Луисс, – добро пожаловать в наш город.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ОТЕЛЬ «АХЕЯ» И «ЗАТОНУВШИЙ МЕШОК»

1.

Днём всюду светило солнце. Так что, если не выглядывать в окно и не видеть улиц, наверняка заснеженных, как на Рождественских открытках, то легко можно вообразить, что сейчас лето, и весь ночной переход сквозь океан снега был всего лишь сном.

Мистер Рок так и делал. Он лежал в тёплой, немного жестковатой, но всё равно, ужасно приятной постели, где миллион раз постиранные и проглаженные полотняные простыни ласкали тело не хуже шёлковых. Лежал, закинув руки за голову, рассматривал солнечные блики, пробившиеся сквозь неплотно задёрнутую штору, и пытался спокойно, без эмоций, утрамбовать в сознании события вчерашнего вечера, (или, если быть совсем точным, сегодняшнего утра).

После того, как сообразительная Ленеоппа нашла его визитку, после неловкой ситуации с молчанием и недоговорённостями, которая за этим последовала, хозяин отеля согласился, наконец, всё разъяснить, но, как настояла его супруга, только после того, как гость переоденется и поест!

Мистеру Року тут же были вынесены вещи господина Луисса: уютная, мягкая рубашка, манжеты которой уже пушились на сгибах от древности, и тёмные брюки, более уместные на провинциальной церковной службе или похоронах. С надетыми ранее тапочками всё это отлично сочеталось и сразу превратило мистера Рока в свойского парня, который пришёл домой после долгого рабочего дня и расположился в своей гостиной на заслуженный отдых. Новый стакан глинтвейна этот образ дополнил, а когда Ленеоппа принесла дышащую огнём сковороду с яичницей, приправленной всем, чем в приличных домах положено приправлять яичницу по утрам, стало и вовсе похоже.

– Обычно постояльцы у нас в гостиной не едят, – сказала женщина, ловко перекинув содержимое сковороды на тарелку и раскладывая по обе стороны от неё вилку и нож. – Но столовую Луисс откроет ближе к обеду, а вашу комнату нужно хорошенько прогреть, да и пыль вытереть не мешало бы. Давно никто не заселялся сразу в оба номера, поэтому, там, где не живут, я убираю раз в неделю, а пыль, будь она неладна, берётся откуда-то, хоть летом, хоть зимой!

Мистер Рок, который при виде еды осознал, наконец, что зверски голоден, только благодарно кивнул. Приличия ради спросил у хозяина, не желает ли тот составить ему компанию и, получив отрицательный ответ, набросился на еду.

– Вы, сударь мой, ешьте, не стесняйтесь, – сказал Луисс, усаживаясь в кресле напротив с обстоятельностью, которая сулила долгий рассказ. – Ешьте и слушайте, я постараюсь вам кое-что объяснить о жизни в городке, и о том, что значит здесь ваша профессия. А по окончании моего рассказа вы, думаю, и сами удивитесь, как всё совпало. Ни с того, ни с сего вас заносит в наш городок, и вы оказываетесь доктором! Смешно, верно?

Он поёрзал, удобней устраиваясь в кресле, скосил глаза на прибитую над камином длинную курительную трубку, протяжно вздохнул и начал:

– Городок наш, сударь, хоть и маленький и расположен, как вы уже заметили, в самом, что ни на есть, захолустье, обустроен, тем не менее, лучше других прочих. Сами сможете в этом убедиться, когда отдохнёте и пойдёте всё осмотреть. Магазины есть какие угодно, даже особо модные и дорогие! Кафе, не хуже парижских, где летом на закате любо-дорого выпить чашечку кофе. Есть бар для любителей погорячее, да ещё и с вечерней программой!

Мечтательно закатив глаза Луисс захихикал и, подавшись к гостю, шепнул:

– И программка там, скажу вам, очень, ну просто очень пикантная...

И посмотрел с таким удовлетворением, словно имел все основания лично гордиться содержанием «программки». Потом откинулся и добавил уже громко и строго:

– Но всё без глупостей, в рамках благопристойности. У нас тут, знаете ли, публика солидная, обеспеченная. Есть клуб, весьма закрытый, куда не каждого допустят, и я считаю это очень правильным! Строгий порядок основа процветания! Лучше, что ли там, где без конца ходят на какие-то митинги, чего-то там жгут, требуют, создают беспорядки?! Мы смотрим иногда новости по телевизору и не перестаём удивляться, до чего же глупо живут в этих больших городах и странах! А насмотревшись единодушно сходимся в том, что наше удалённое местоположение есть абсолютное благо. Вся мировая политическая возня, светские сплетни, чьи-то падения и взлёты, всё это для нас лишь развлечение и тема для приятной беседы вечером, и, говоря по совести, волнует она даже меньше, чем перемена погоды.

В этот момент мистер Рок, жадно соскребающий остатки яичницы, внезапно уронил вилку, и Луисс, махнув ему рукой, чтобы не беспокоился, сам полез поднимать.

– Женщина торопится, – сказал он, протирая и осматривая поднятую вилку, как будто по ней было видно, о какой именно женщине речь. – Не иначе моя Ленеоппа придёт сказать, чтобы я вас не заболтал. Иногда мне кажется, что моя жена слышит сквозь стены!

Он снова захихикал.

– Она терпеть не может, когда я начинаю рассуждать о нашей жизни. Говорит, чего рассуждать, когда всё хорошо? Живём и живём, и нечего удачу по словам размазывать... Она у меня верит во всякую эту мистику. А я не мешаю. Когда женщина во что-то верит, это просто нужно уметь хорошо использовать, верно?

Мистер Рок вытер рот салфеткой, посмотрел в пустую тарелку глазами ненаевшегося человека и недовольно заметил:

– Вы, действительно, отклонились от темы, дорогой Луисс. Я охотно поговорю с вами обо всём, о чём захотите, но позже. А сейчас, давайте вернёмся к тому, с чего начали: к моей профессии...

– Да, да, да! – закивал Луисс. – Я к этому и веду! Дело в том, что всё благополучие и вся обеспеченность города целиком зависят от нашего мэра, господина Сельме Тиффо! Он является бессменным мэром уже... Ох, я даже не скажу сколько лет, но поверьте, очень, очень много!

Луисс замолчал, явно с намерением всё же подсчитать годы правления мэра, и мистер Рок воспользовался этим, чтобы задать вопрос, который вдруг сформировался у него в голове:

– Как же удаётся вашему мэру обеспечивать город всем необходимым при такой изоляции?

– Как-то удаётся, – развёл руками Луисс. – Честно говоря, мы об этом особо не задумываемся. Господин Тиффо человек без сомнения достойный своего положения. И потом, не так уж мы изолированы. Тут есть дорога в большой, так сказать, мир, но пользуются ей мало. Зачем нам ездить туда, где плохо, верно?

– А как же продукты..., не знаю, прочие товары, которые всегда нужны? – спросил мистер Рок. – Или у вас и собственное сельское хозяйство, и промышленность от тяжёлой до лёгкой?

– Нет, ну что вы! – Луисс улыбнулся улыбкой миллиардера, у которого спросили, не светит ли у него дома персональное солнце. – У нас есть господин Прето Мей и господин Самид, который просит называть его только так, «Самид», так что, не спрашивайте, всё равно не отвечу имя это, или фамилия, ибо сам уже не помню... Так вот, эти двое нас всем и снабжают. Они оба регулярно улетают на грузовом самолёте, который предоставляет им господин Тиффо, и привозят в город то, что мы не можем производить сами. Деликатесы для ресторана, тряпки и обувь для магазинов, газеты, журналы, всякие бытовые побрякушки и даже мебель, если она кому-то нужна!

– Не слишком ли расточительно? – удивился мистер Рок. – Гонять самолёт за бакалеей, прессой и едой, это довольно странно при том, что есть дорога.

– Почему нет, если мы можем себе это позволить? Тут ведь живут в основном очень состоятельные люди, мистер Рок. Есть, конечно, такие, кто зарабатывает на жизнь своим трудом, уборщики, к примеру, официанты, всякие служащие. Или, как мы с Ленеоппой, кто просто скучает без дела. Но в основном живут на ренту. И, хотя я не заглядывал в их банковские счёта, но точно знаю, что прожить так они смогут ещё лет сто.

Мистер Рок невольно поддался соблазну и осмотрел гостиную, которая, хоть и не блистала новизной отделки, тем не менее, не выглядела и запущенной, как бывает в прогорающем заведении.

– А вы за счёт чего существуете? – спросил он.

Луисс усмехнулся.

– В отелях не только приезжие останавливаются. У кого-то в семье проблемы, кому-то просто захотелось уединения... Вот, к примеру, сейчас в третьем номере живёт господин Хирон Мебис, художник. У него поиск вдохновения, которое он черпает из вида за окном. Говорит, нигде в городе такого больше нет. Да вы и сами сможете убедиться, у вас комнаты рядом будут. Господин Мебис как раз из таких, кто скучает без дела, и рисует свои картины ради собственного удовольствия, а за постой платит щедро, со всеми возможными чаевыми.

Мистер Рок скосил глаза на портрет.

– Это его работа?

Луисс проследил взгляд гостя и почему-то нахмурился.

– Да, – сказал с необычной для него неохотой. – Жена заказала. Хочет видеть меня вот таким..., героем Эллады...

– Кстати, неплохо нарисовано, – заметил мистер Рок, сам удивляясь своей убеждённости в том, что портрет хорош. – Ваш господин Мебис мог бы стать знаменитостью.

– Не хочет, – отрезал Луисс.

Он посмотрел на портрет почти с ненавистью и теперь уже сам вспомнил, что снова уклонился от темы.

– Так вот, о вашей профессии, сударь! Как я говорил, наш мэр человек достойный и всеми уважаемый, но есть у него одна... странность. Не хочу называть это недостатком, хотя ничего плохого в недостатках не вижу, если они никому зла не несут. Почему бы и нет, верно? Человек без недостатков внушает подозрения. А наш мэр всего лишь чересчур мнительный. Вбил себе в голову, что смертельно болен! И живёт себе с этим, между прочим, уже лет пятнадцать, если не больше. Зимой, летом ещё ничего, но все годы, обязательно, весной и осенью, господин Тиффо находит у себя симптомы очередного смертельного заболевания и начинает страдать. А когда страдает он, страдаем мы.

– Разве в вашем, таком самодостаточном городке нет доктора? – спросил мистер Рок.

– Есть. А как же! Господин Лаенг, который, между нами говоря, мог бы в любое время стать знаменитостью поважнее Мебиса! Беда в том, что наш мэр, как я уже сказал, человек очень мнительный. Он подозревает доктора Лаенга в умалчивании правды, и, когда тот говорит, что господин Тиффо совершенно здоров, верит ему только первые несколько минут. Страшно радуется в эти минуты, хватается за сигареты, за пирожные и за всё то, в чём себе отказывал, пока думал, что заболел. Но, стоит доктору Лаенгу уйти, как господин Тиффо впадает в сомнения, потом мрачнеет, а потом погружается в пучину своих подозрений и снова чувствует себя больным.

– Может, он и вправду болен.

– О-хо-хо! – Луисс запрокинул голову и немного посмеялся, показав ряд желтоватых, но удивительно ровных зубов. – Вы бы его видели! Крепок, бодр, молодо выглядит... Да, он

слегка прихрамывает..., суставы... Но, кто сейчас не мучается суставами? Плохая экология дошла и до нас. В меньшей степени, конечно, чем в других местах, где плохо, но дошла...

Мистер Рок нетерпеливо кивнул.

– С этим ясно. Так вашему мэру нужен ещё один врач для объективности мнения, я правильно понял?

– Не совсем, – мягко произнёс Луисс. – Тут, видите ли, дело деликатное. Примерно год назад господин Тиффо открыто разругался с доктором Лаенгом. Тот сказал, что не видит смысла в своих посещениях, если господин мэр его мнению не доверяет, а господин мэр сказал, что больше никогда не станет к доктору обращаться, потому что господин Лаенг либо стал небрежно к пациенту относиться, либо от него всё скрывает из глупейшего человеколюбия, хотя гуманней было бы сказать правду и дать возможность подготовиться к неизбежному... Одним словом, отношения, до сих пор вполне себе дружеские, теперь вдребезги испорчены. Доктор Лаенг дуется, а господин мэр стал вдруг всем и каждому говорить о том, что вот-вот в город явится другой доктор, который вернёт ему душевное спокойствие и навсегда излечит от мнительности! Это было так странно, что мы, сами понимаете, начали уж было волноваться, не повредился ли господин Тиффо рассудком. Новички в наш город прибывают крайне редко, и мы, как правило, об их прибытии узнаём заранее от господина Прето Мея, который этих новичков и доставляет, и вообще всегда в курсе всех перемен и новостей. Но тут даже он разводил руками. Говорил, что брать на борт какого-либо доктора у него указаний нет, а другим путём человек в здравом уме до нас вряд ли доберётся... И, надо же, именно вы взяли и добрались! И, как раз, не в уме..., в том смысле, что сами себя не помните. Но визитка... Это, скажу вам знак! Прямо, как в кино! Было предсказание, и вы явились, и как раз доктор!..

Луисс запнулся на полу слове, заметив, что мистер Рок качает головой с выражением ироничного сочувствия на лице.

– Вы забыли, дорогой мой Луисс, – сказал он, – что доктор я только на визитке и, что для меня это такая же новость, как и для вас. Я не в состоянии буду вылечить даже порез на пальце, потому что не помню, что нужно к этому порезу прикладывать, да и нужно ли вообще что-то прикладывать?... Я не могу вспомнить названий лекарств, мазей и всяких прочих пилюль, как не могу вспомнить, что за чёрт занёс меня в эти края! Вряд ли при таком раскладе факт, что я называюсь доктором может быть чем-то полезен вашему мэру.

Он с шумом отодвинул тарелку, встал и, сунув руки в карманы церковно-похоронных брюк Луисса, подошёл к камину. Пляшущее пламя подсветило лицо нервным оранжево-красным светом и отразилось в широко раскрытых, неподвижных глазах сразу несколькими дрожащими бликами.

– Как глупо, – пробормотал мистер Рок, – ничего не помнить, кроме имени, да и то какое-то странное... А ведь наверняка я где-то жил и, как вы говорите, судя по одежде, жил неплохо.

Он вдруг зажмурился, схватил себя за переносицу и замер.

– Ну, ну, ну, не стоит, не стоит! – разволновался Луисс, выбираясь из кресла и не зная, похлопать ли расстроенного гостя по плечу, или лучше его пока не трогать. – Ещё никому не удавалось слезами и отчаянием что-то в жизненном разладе поправить. Что ни делается, то к лучшему. Может, так и надо, чтобы вы ничего не помнили... Я, кстати, собирался дать вам совет, никому пока не говорить о том, что вы доктор. Походите, осмотритесь и обязательно постарайтесь понравиться мэру до того, как он узнает, кто вы есть... Он-то, конечно, сразу подумает, что вы тот самый, кого он ждёт, но, раз память утеряна, то и спрашивать с вас нечего!

Мистер Рок опустил руку и перевёл усталый взгляд на добродушное лицо хозяина.

– Зачем тогда мне нравиться вашему мэру?

– Психология! – шепнул Луисс. – Если он узнает, что вы доктор, но ничего, кроме этого, о себе не помните, то, пожалуй, разочаруется, впадёт в депрессию, опять что-нибудь у себя найдёт и совсем скиснет без надежды! Но если вы скажете, что совсем ничего о себе не помните,

то он будет надеяться. Тот факт, что вы доктор, станет, как бы, его догадкой, которую господин Тиффо всеми силами захочет подтвердить и, может быть, отвлечётся от своих навязчивых мыслей! Затеется помогать вам что-нибудь вспомнить, будет пересказывать симптомы тех несуществующих болезней, которые у себя находил, причём, не ради жалоб, а чтобы подтолкнуть вас к воспоминаниям, что само по себе уже скажется благотворно! А дальше, больше! Станет спрашивать ваше мнение, и вот тут, если вы покажетесь ему приятны, любое слово сможет оказаться исцеляющим! Что вам стоит прикинуться тогда, будто всё вспомнили? Это ж всё во благо ближнему! Хотите, познакомлю вас с доктором Лаенгом? Посоветуетесь с ним, он подскажет, что и как надо говорить... Как вам такое, а? Вдохновляет?

Мистер Рок несколько мгновений смотрел на него, чуть покачиваясь, потом обессиленно кивнул.

– Я спать хочу, – сказал он.

– И правильно! – обрадовался Луисс. – Давно пора!

Он потащил шаркающего тапками гостя в тёмный коридор, потом по короткой скрипучей лестнице на второй этаж, где, видимо, находились комнаты. Там засыпающий на ходу мистер Рок вяло отметил про себя, что планировка помещения разительно отличается от той, что была внизу, но думать о причине этого сил уже не осталось.

Перед слипающимися глазами промелькнула Ленеоппа с постельным бельём на руках. Издалека долетел её голос: «... Постелила всё свежее, а это отнесу постирать...». Потом в золотистом свете предстала уютная комнатка с большим окном, за опущенными шторами которого уже вовсю разгоралось утро, и кровать с призывно откинутым уголком толстого одеяла... Потом была подушка, и всё...

2.

Утреннее раздумье кое-что утрамбовало.

Во-первых, мистер Рок понял, что спешить ему некуда и незачем. Во-вторых, что его положение совсем не так плохо, как казалось вначале, потому что он запросто мог очутиться в месте, куда менее гостеприимном. И, в-третьих, он внезапно подумал, что потерял память только в отношении собственной жизни, в отношении же жизни вообще помнилось куда больше. И это показалось забавным.

Он начал перебирать в уме самые обычные повседневные дела, поминутно опасаясь, что вот-вот споткнётся на каком-то действии, или понятии, где мозг его снова провалится в пустоту, как это случалось всякий раз, когда мистер Рок пытался вспомнить что-то из личной жизни, или вообразить себя доктором. Но оказалось, всё, что связано с хождением по улицам, с поездками в машине, с заходом в рестораны, в магазины, с покупками там, с надобностью в этих покупках..., короче, всё, что может потребоваться в обычный день обычному человеку, помнилось прекрасно!

Тогда он взялся за понятия, к примеру, такие, как отчаяние, благодарность, любовь, зависть, презрение, отвращение, ненависть, жалость, чувство сострадания...

Поразительно! Он мог бы назвать ещё целую кучу подобного, включая сюда даже религиозные переживания, и прекрасно понимая при этом и смысл, и суть! Но тут вдруг возникло другое, ужасно неприятное состояние. При всём понимании того, что представляет из себя, скажем, любовь, мистер Рок не мог припомнить ни единой ситуации, где бы он это чувство испытывал! То же самое относилось и к остальным состояниям и чувствам, кроме, разве что, отчаяния, мысли о котором живо возвращали к событиям прошедшей ночи и раннего утра, что составляло единственные пока воспоминания мистера Рока.

Почему-то он заволновался.

Продёргав без результата своё сознание ещё примерно минут десять, мистер Рок подумал, что сейчас собственная память напоминает ему набитый до отказа мешок, который застрял

где-то в мутной воде. Сам он удерживает этот мешок всего лишь за край, дёргает, дёргает, чувствует, что достать можно, но как это сделать, совершенно не представляет! А мешок словно запутался между лап какой-то коряги – намертво не сидит, при определённом усилии даже тянется к поверхности, но тут же и опадает...

Может, если хорошенько его раскачать, он рано или поздно выскочит?

Мистер Рок сделал ещё одно усилие.

Нет. Не вышло.

Тогда он снова вернулся к действиям, пытаясь, хоть через них, восстановить в памяти какие-то жизненные ситуации. Но и тут, увы, все действия помнились только, как действия, которые мистер Рок мысленно механически выполнял, словно бы впервые, но, вместе с тем, знал, что делает всё безошибочно верно! Как будто, протягивая руку за яблоком, он, уже в процессе движения, вспоминал и название плода, и то, как его нужно взять, осмотреть, отложить, если червивое, или, если хорошее, отнести к кассе и заплатить...

Тут он едва не подскочил!

Заплатить!

В этом мире за всё требовалось платить, он это помнил, знал, ощущал точно так же, как помнил и ощущал, к примеру, голод. Знал, что платить нужно деньгами, но денег у него не было, и это могло создать проблему худшую, нежели потеря памяти!

Мистер Рок свесил ноги с кровати, сел и озадаченно потёр подбородок.

Как долго добрые хозяева будут о нём бескорыстно заботиться?

Устроиться куда-то на работу?... Он помнил, что деньги обычно зарабатывают, но, чтобы зарабатывать, надо уметь что-то делать, а в этом смысле он как раз ничего и не помнил.

Чушь какая-то!

Вчера Луисс сказал, что в городке многие живут на ренту... Значит, есть банк. А где банк, там вклады. Где вклады, там счета... Судя по одежде, он когда-то жил не бедно, значит, счёт был и у него... И, возможно, через банк можно будет сделать какой-то запрос...

А, чёрт! Какой запрос, если ни документов, ни номера счёта, ни других бумажек, которые бы подтвердили, что мистер Рок вообще такой человек, который имеет право делать запросы через банк...

И тут из застрявшего мешка воспоминаний медленно вынырнула и закачалась на поверхности мутного забвения длинная вереница цифр. Мистер Рок не мог определённо сказать, что это номер его банковского счёта, но где-то на уровне подсознания ничуть не сомневался – это он и есть!

В противоположном углу комнаты обнаружилось бюро с откидной крышкой, под которой лежали несколько ручек разного цвета и упаковка стикеров. Мистер Рок торопливо записал цифры, сунул бумажку в карман и только тут сообразил, что спал одетым. Он усмехнулся. Штаны и рубашка мало пострадали от того, что их не сняли. Видимо, он заснул настолько крепко, что даже не ворочался. Но теперь, когда возникла нужда в каких-то конкретных действиях, привести себя в порядок следовало незамедлительно!

Умывальник нашёлся за маленькой дверцей у входа в комнату. Была там и душевая кабинка, присутствию которой мистер Рок почему-то страшно обрадовался. Быстро снял с себя всё, хорошенько помылся, почистил зубы совершенно новой зубной щёткой, заботливо выложенной кем-то на видное место, потом надел вещи господина Луисса, стараясь подвёрнутыми рукавами и выпущенными полами рубашки прикрыть их ветхость, тщательно пригладил волосы и решил, что пора выходить.

Второй этаж отеля дышал безлюдием настолько явно, что мистер Рок не отказал себе в удовольствии как следует рассмотреть поразившую его планировку, никак не соответствующую этажу первому.

Оказалось, чуда никакого нет. Просто кто-то, кто занимался здесь строительством, подошёл к делу очень творчески и с максимальной фантазией использовал все возможности ландшафта для здания, которое со стороны улицы имело обычный плоский фасад, а во двор, расположенный на краю довольно крутого склона, выдвигалось широким полукругом на крепких сваях, охватывающим оба этажа наподобие стеклянного «фонаря». (Это определение сразу пришло в голову мистера Рока, поэтому он решил, что так и есть) Неведомый дизайнер скрыл выступающий полукруг на первом этаже, отгородив его стенкой, чтобы получился коридор из прихожей к лестнице, а на втором устроил в этом же месте просторный вестибюль, из которого двери вели в две комнатки, и те делили полукруглый выступ надвое, являясь, видимо, единственными номерами отеля. Одну из этих комнаток занимал мистер Рок, а другую этот... как его?.. Художник...

Изучая второй этаж, он подумал, что такое архитектурное решение явно затевалось для панорамного обзора окрестностей, потому что застеклены комнаты были от пола до потолка, и, распахнув шторы перед тем, как выйти, мистер Рок не мог не признать, что вид из его окна открывался, действительно, впечатляющий! Видно было далеко, до самого сумеречного леса, который темнел себе скромно на горизонте, обрамляя какие-то призрачные, то ли холмы, то ли горы, и сейчас, при ярком солнце и белом дне, не вызывал даже лёгкого содрогания при мысли о том, как тоскливо и мрачно было его нутро ночью. Точно так же не пугало больше широкое, как река, заснеженное поле. Теперь оно алмазно сверкало под солнцем, оттеняя чистейшее голубое небо своей белизной. А совсем близко, за оградой двора, торчали лишь терракотовые крыши уютных кирпичных домиков с дымищими трубами. Летом эти домики наверняка тонули в зелени деревьев, которые сейчас окружали их графичной обнажённостью, но было в этой обнажённости что-то очень уместное именно сейчас. Что-то, что так и просилось на холст! У мистера Рока даже создалось ощущение, что деревья эти нарочно подстригали, для почти идеальной округлости кроны, чтобы подчеркнуть тонкое кружево из ветвей.

«Наверное, этот художник... как там его... Мебис, кажется... Да, Мебис! Наверняка, сидит сейчас в своей комнате и пишет», – подумал мистер Рок, спускаясь по скрипучей лестнице и чувствуя, почему-то странное умиротворение от того, что кто-то занят делом, исключительно ради собственного удовольствия, а не по суровой нужде, или принуждению. В такой день и в таком месте всё вообще должно быть в удовольствие! И этот скрип, (мистер Рок даже покачался немного на особо скрипучей ступени), и чудесный запах чего-то, наверняка, вкусного, который тянулся из помещений нижнего этажа и, по мере того, как мистер Рок спускался, делался всё более манящим... Всё обволакивало безмятежностью и покоем. И казалось, всё обязательно будет хорошо!

Гость заглянул в вестибюль, где они беседовали с Луиссом, обнаружил, что там пусто и, почему-то, подумал о проглоченной тут совсем недавно яичнице. Мысль о ней тут же мощно возглавила скудный запас его новых воспоминаний, и мистер Рок, потянув носом, двинулся дальше.

4.

Как он и предполагал, за стеной, отгородившей полукруглый «фонарь» на первом этаже, скрывались кухня и столовая. Мистер Рок открыл стеклянную дверь и вошёл в просторное, (естественно, полукруглое), помещение с несколькими столами, удачно расположенными вдоль окон, откуда виденный только что сверху пейзаж смотрелся теперь в ином ракурсе, но был от этого не менее благостным. На ближайшем ко входу столе ещё оставались неубраные тарелки с остатками еды, а на слегка отодвинутом от него стуле обиженно висел забытый

серый шарф. Видимо, единственный, до сегодняшнего дня, постоялец отеля «Ахея» уже откусал и ушёл.

Мистер Рок сел за соседний столик.

Из-за приоткрытой двери, что вела в кухню, доносился шум воды, перестук моющейся посуды и тихое пение Ленеоппы. Пела она на греческом, что-то протяжно-бесформенное, но мистеру Року, как ни был он голоден и, как ни стремился побыстрее добраться до банка, от такого её пения стало как-то совсем хорошо и спокойно. Он запрокинул голову и упёрся взглядом в потолок, украшенный мозаикой столь искусной, что можно было бы, наверное, удивиться: откуда тут такая? Но в сочетании с голосом Ленеоппы, с языком, на котором она пела и со всей мирно обволакивающей атмосферой безлюдного отеля эта мозаика показалась настолько органичной, что мистер Рок не только не удивился, но ещё и подумал, что ничего другого здесь быть просто не могло!

Он едва не заснул снова, глядя на переливы морских волн, на одинокую ладью среди них, стремящуюся к берегу – слишком золотистому и слишком упорядоченно покрытому кудрявым кустарником, чтобы быть правдой. В голове потекли мысли о мечте и одиночестве, о каком-то невозможном возвращении к самому себе потому, что путь – это неизбежно перемена и старение, и вернётся уже не тот, кто в этот путь отправлялся..., о жизни, как о дороге через сумрачный лес, где можно свернуть куда угодно, но стоит ли это делать, если заблудиться так легко...

– Вы уже проснулись, мистер Рок!

Голос прозвучал резко. Совсем не так, как она только что пела, и мистер Рок вздрогнул.

– Да. Проснулся..., вот...

Ленеоппа приветливо улыбнулась.

– Сейчас я вас накормлю.

Уже не закутанная в шаль-шубу, она оказалась женщиной довольно стройной для своих лет. Во многом этой стройности добавляла совершенная осанка, которая никогда не превратит женщину в старуху. Но, присмотревшись получше, пока Ленеоппа выносила для него приборы и тарелки с едой, мистер Рок решил, что она, в любом случае, совсем ещё не старуха, и, если покрасить её седые волосы в какой-нибудь живой цвет, она, во-первых, помолодела бы лет на пятнадцать-двадцать, а во-вторых, обрела бы лицо более мягкое по сравнению с тем, которое получалось сейчас, когда из-под седых прядей на собеседника смотрели обжигающие чернотой и глубиной совершенно молодые глаза. Мистер Рок не сказал бы, что это было жутковато, но неловкость от несовместимого возникала всякий раз, когда Ленеоппа, спросив его о чём-то, начинала смотреть, дожидаясь ответа. И тогда казалось, что смотрит она не в лицо, не в глаза, а в самую душу.

– Честно говоря, думала, что спать вы будете до завтрашнего утра, – сказала женщина, в очередной раз появляясь в дверях кухни с небольшим подносом, на котором дымилась чашка чая и лежала, даже на вид тёплая, булочка. – Ваш сосед, господин Мебис, хотел было подождать вас, чтобы вместе отобедать, но я была так уверена, что вы не проснётесь... Теперь, пожалуй, обидится, скажет, что я его нарочно отправила, чтобы не приставал с вопросами.

Она засмеялась и вдруг, совершенно неожиданно, села за стол напротив мистера Рока.

– А я, знаете ли, на самом деле его нарочно отправила. Хотела с вами поговорить.

– Я тоже с вами хотел поговорить, – кое-как прожевав, но всё равно ещё с набитым ртом сказал мистер Рок. – Для начала, не могу не отметить, что всё ужасно вкусно! Но всё стоит денег, это я помню..., и вы совсем не обязаны меня содержать...

– Молчите, молчите, – не дала ему договорить Ленеоппа. – Деньгами у нас ведаёт Луисс, вот с ним это и решайте. Утром он велел обеспечить вас всем необходимым, и всё! Больше мне ничего знать не надо.

– А кстати, где он? – спросил мистер Рок, озираясь, как будто добрейший Луисс мог неслышно возникнуть в столовой пока они говорили.

– Ушел. Сказал, что по делам, хотя, я думаю, сидит сейчас в своём любимом заведении, пьёт вино и, наверняка, всем о вас рассказывает.

Мистер Рок почему-то покраснел.

– Не смущайтесь, – сказала Ленеоппа, – это необходимо. В нашем городке любопытство пороком не является, и, появившись вы на улице просто так, пожалуй, сочли тут всех сумасшедшими, потому что никто бы не прошёл мимо, не спросив, кто вы и откуда? Вот Луисс и оправился с утра по таким местам, из которых слухи расходятся с особенной быстротой, чтобы вы не трепали себе нервы, объясняя всем и каждому, что потеряли память и шли так ужасно всю ночь по лесу и полю... Брр!

Она передёрнула плечами, представив, видимо, каково её гостю пришлось, но тут же подскочила, потому что тарелка с супом опустела и теперь мешала мистеру Року поставить на её место блюдо с картофелем и рыбой. Ленеоппа быстро произвела перемену, унесла на кухню пустую тарелку, а когда вернулась, гость смотрел на неё с откровенным изумлением.

– Рыба свежайшая! – воскликнул он. – Как?! Откуда?! Я, конечно, многое забыл, но вкус..., ощущения от еды отлично помню и сразу почувствовал, что рыба свежая, хотя не заметил во дворе никакого подогретого водоёма! Возможно, он у вас где-то в подвале, иначе ничем не объяснить такую свежесть!

Ленеоппа пожала плечами.

– Нам не нужен водоём. Господин Мей всегда привозит всё самое свежее. Сегодня утром Луисс получил у него превосходное филе и зелень для салата. Вы, кстати, его совсем не пробовали.

Мистер Рок тут же ковырнул вилкой живописное сооружение из долек помидоров, зелени и жёлто-зелёных кубиков перца, после чего закатил глаза, забормотав невнятные похвалы, больше похожие на какое-то сладострастное урчание.

– Великолепно! – выговорил он, наконец. – Я бы сказал, что ничего вкуснее не пробовал, но это прозвучало бы не совсем честно... Зато теперь любую еду буду сравнивать с этим обедом, как с эталоном, и не уверен, что возврат памяти в этом что-то изменит!

Ленеоппа слушала его, склонив голову так, как это делают люди, когда к чему-то прислушиваются

– Вы мастер делать комплименты, мистер Рок, – сказала она. – Может, вы были женским доктором? Или доктором каких-то важных особ? Но наверняка человеком светским. У нас так ловко могут говорить только господин Валеами, помощник мэра, и господин Деказорье, владелец бара.

Мистер Рок посмотрел на неё с любопытством, но Ленеоппа больше ничего не сказала. Тогда он пробормотал: «Вам виднее», несколько минут ел молча, а потом спросил:

– А мистер Мей, который всё вам привозит..., это тот..., с самолётом?

– Нет, – покачала головой Ленеоппа. – Самолёт принадлежит мэру, а мистер Мей и мистер Самид просто пользуются им, потому что знают, куда нужно лететь и у кого покупать, чтобы купленное было самым лучшим. Вы ешьте, ешьте, сударь, – добавила она совсем, как Луисс и точно так же поёрзала на стуле, устраиваясь для разговора. – Мне нужно кое о чём предупредить пока вы не отправились гулять по нашему городку и не столкнулись с чем-то, что может вас удивить, или не совсем понравиться.

Мистер Рок кивнул, аккуратно собрал кусочком хлеба весь соус с тарелки и, придвинув чашку с чаем, приготовился слушать.

– Луисс вчера рассказал вам о нашей уединённой жизни, – начала женщина. – Все друг друга знают по многу лет, поэтому не удивляйтесь, если встретите таких, кто всё же подойдёт и спросит, кто вы такой и как тут очутились? Мы здесь не то, чтобы боялись чужих, но относимся к ним с осторожностью, потому что городок наш не из тех, куда приезжают с экскур-

сиями, или на семейный отдых. Без нужды тут мало кто появляется, но самое главное, здесь никто не появляется без приглашения мэра.

Мистер Рок удивлённо приподнял брови. По его глазам было видно, что бедняга силится что-то вспомнить.

– Я знаю, что у вас такого приглашения нет и, – по-своему поняла его усилия Ленеоппа. – Обычно господин Тиффо рассылает свои приглашения весной. В апреле у нас большой праздник, день основания города, и гостей бывает немало...

– Их тоже привозит самолётом мистер Мей? – не удержался от усмешки Рок.

– Нет, – ответила Ленеоппа без тени улыбки. – Для доставки гостей у мэра есть другой самолёт.

– С ума сойти! – воскликнул мистер Рок. – Конечно, я потерял память и многому должен удивляться, но пока меня почему-то удивляют только упоминания о самолётах этого вашего мэра! Простите, если это прозвучит не совсем вежливо, но не было бы проще привести в порядок дорогу и пустить по ней, скажем, автобус? Уж за пару-то часов до какого-нибудь города с железнодорожной станцией от вас добраться можно?

– Не знаю, я никуда не езжу, – сказала Ленеоппа.

– Вот видите! А так бы ездили! – воскликнул мистер Рок, не замечая холода в её голосе. – Думаю, это было бы менее расточительно, чем содержать аэродром с двумя самолётами!

– Тремя, – совсем холодно поправила женщина. – Ещё на одном господин Тиффо ездит по делам и путешествует.

У мистера Рока едва не вырвалось: «Ах, он ещё и путешествует!», но взгляд, брошенный на Ленеоппу, вовремя заставил замолчать.

«В конце концов, кто я такой, чтобы давать советы и вообще о чём-то рассуждать?», – подумалось ему. – «Люди здесь прекрасно жили до меня и, если завтра я вдруг снова обнаружу себя в каком-нибудь другом лесу за тысячи вёрст отсюда, будут продолжать жить так же прекрасно! А вот, что будет со мной – это ещё вопрос...»

– Простите, – сказал он вслух. – Видно, не такой уж я светский человек, раз позволил себе... Глупо было лезть с этими автобусами... Забудьте обо всём, что я наболтал, милейшая Ленеоппа, обещаю, что никогда ничего подобного себе больше не позволю!

– Я вам верю, – сказала она строго, но не сердито. – Первое время, мистер Рок, вам придётся очень внимательно следить за своими словами и делами, потому что интересоваться вами будут все, и в первую очередь наш мэр. Мой муж дал вам вчера дельный совет понравиться ему, но я сегодня посоветую и другое. Постарайтесь с первого же дня понравиться ВСЕМ!

Она встала, забрала у мистера Рока пустую чашку и, прежде чем унести её на кухню, договорила:

– Как бы сильно господин Тиффо ни ждал нового доктора, он ни за что не пригласит вас к себе, пока не послушает общественное мнение. А оно начнёт складываться с той минуты, когда вы выйдете за этот порог и сделаете первые шаги по улице.

Чашка в руке женщины звякнула. Видимо, от волнения, что удивило и растрогало мистера Рока. Ленеоппа заметно смутилась, прижала чашку другой рукой, сделала шаг в сторону кухни, но потом вдруг снова повернулась к мистеру Року и по-матерински ласково добавила:

– Мне очень хочется, чтобы всё у вас сложилось хорошо, потому что, если память не вернётся, вы будете вынуждены остаться тут, а для этого тоже нужны хорошие отношения со всеми. Мы трудно принимаем новичков. Поэтому позвольте дать вам ещё один..., нет, не совет, а скорее, намёк... Пожелание...

Мистер Рок кивнул.

Ленеоппа повертела чашку по блюдцу и со странной грустью сказала:

– Как бы ни сложилось дальше, не старайтесь втянуться в эту нашу жизнь, мистер Рок. Не потому, что она плоха, а, мало ли... Мало ли, что вы вспомните, когда память вернётся... Вдруг окажется, что этот мир вам совсем чуждый, несмотря на то, что, вроде бы, пришлось здесь ко двору. Не растеряйте себя. Будьте смиренным, доброжелательным, но отстранённым ото всего, с чем можете столкнуться. Смотрите на всё и всех так, будто сидите в зале... Знаете, как в кино. Вы ведь помните, что такое кино?

– Помню, – снова кивнул мистер Рок. – Но разве можно кому-то понравиться таким образом?

– Можно, – опустила глаза Ленеоппа. – Люди редко тянутся к тому, кто распахивает перед ними всю душу, им больше нравится подсматривать в замочные скважины... На первый взгляд, сейчас вы имеете прекрасную возможность заново себя создать, и в этом тоже может помочь отчуждённость. Она же спасёт от влияния других. Но помните, что в один прекрасный день может вернуться тот, кем вы были прежде, и он окажется совсем иным! Вдруг придётся выбирать между новым и старым, а выбор это всегда большое испытание... Не думаю, что вам стоит торопиться, мистер Рок. Побывать в этой жизни просто зрителем, чтобы, отдавая себе отчёт во всём, делать только выводы, такая же удача, как и начать всё с чистого листа.

Она замолчала, бросила короткий взгляд на лицо мистера Рока и ушла на кухню.

5.

Каким бы странным ни казался совет Ленеоппы, но мистер Рок, поразмыслив над ним некоторое время, решил, что он всё же дельный. Это только усилило желание немедленно бежать в банк и, если всё получится, отблагодарить добрую женщину и её мужа за гостеприимство, а там и с лёгкой душой снять у них комнату на всё то время, которое он тут пробудет.

М-да, пробудет...

Мистер Рок вздохнул, но без особой тоски. Скучать ему было не по чему и не по кому. Сравнивать жизнь городка, которую только собирался узнать, тоже не с чем, поэтому, что бы он ни узнал за порогом принявшего его отеля, всё будет просто принято, как данность. Так почему бы не вспомнить слова разумной Ленеоппы о том, что у него появилась уникальная возможность понаблюдать за жизнью со стороны, и не последовать её совету, раз уж судьба превратила некоего мистера Игрека Рока в кусок глины, который трамбуется сейчас в какую-то новую форму!

Костюм, пальто и рубашка с галстуком висели на плечиках в шкафу его комнаты сухие, свежие и почти не пострадавшие от ночного перехода. Мистер Рок в очередной раз преисполнился благодарности хозяевам, после чего переоделся, осмотрел себя в зеркале со всех сторон и, решив, что, по крайней мере внешне, должен понравиться, если не всем, то многим, снова пошёл вниз.

– Я бы хотел дойти до вашего банка, – сказал он Ленеоппе, протиравшей стёкла массивного шкафа, с полка которого не совсем уместно, но гордо выставили бока охристые и терракотовые амфоры.

– Это рядом, – ничуть не удивившись такому желанию, сказала женщина. – Банкира зовут господин Тиль Дорш. Он о вас наверняка уже знает... Только не просите у него в долг, лучше договоритесь о каком-нибудь зкладе. Господин Дорш как-то интересовался этими амфорами, говорил, если что, может дать за них приличную сумму, так что, имейте в виду...

– Надеюсь, до этого не дойдёт, – ободряюще улыбнулся мистер Рок. – Но спасибо.

Он поклонился Ленеоппе самым изысканным образом, чем вызвал ответную улыбку на её лице. Ничуть не скрывая удовольствия, которое доставил ей посвежевший облик постояльца, женщина подсказала, что надо чуть поправить выбившийся шарф и пожелала удачи.

– Удачи у меня хоть отбавляй, – пробормотал мистер Рок, выходя за дверь и щурясь на яркое солнце. – Мне бы ещё перчатки...

Он безумно пожалел, что образ не доведён до совершенства, и придётся идти в банк с голыми руками, что значительно понизит статус визитёра в глазах банкира. Но, поскольку другого варианта не было всё равно, мистер Рок постарался придать себе вид независимый, но дружелюбный и пошёл по улице в том направлении, которое указала ему Ленеоппа.

6.

Как это обычно бывает в маленьких городках в послеобеденное время, улицы, и без того, видимо, не переполненные толпами прохожих, обезлюдели совсем. Только собака, которая ночью смотрела на переход беспамятного мистера Рока через поле, выбежала из подворотни, но при виде человека тут же метнулась обратно.

Мистер Рок дошёл до угла и, любопытствуя, заглянул за него. Собаки уже не было, однако в самом конце улочки просматривалось здание, которое разум тут же определил, как церковь. «Надо будет зайти потом», – подумал мистер Рок, хотя спроси его кто-нибудь, зачем, он вряд ли бы ответил, но уже знал, что зачем-нибудь обязательно зайдёт. Ещё раз окинул взглядом улочку, задержался взглядом на цепочке собачьих следов и сразу вспомнил свои такие же в ночном унылом лесу.

Аналогия не понравилась. Лишний раз напомнила о «застрявшем мешке», в которомна-шлись бы, наверное, ассоциации более приятные, нежели эти, единственные пока, из такого недавнего прошлого. Мистер Рок невесело усмехнулся. Нужно было срочно набирать новые впечатления, новые события и знакомства, чтобы потом, вспоминая, было из чего выбирать... И он решительно зашагал дальше.

Банк, как и говорила Ленеоппа, находился совсем недалеко и сразу узнавался по роскошному, даже не входу, а целому portalу. Лестница, в пять невысоких ступенек, растянулась вдоль всего этого портала, чем подчеркнула его роскошь, не слишком, впрочем, уместную на старомодной улочке, стиль построек которой разум услужливо определил, как «викторианский».

Мистер Рок поднялся к стеклянной двери, немного постоял перед ней, любуясь красивым вензелем из переплетённых букв «Т» и «Д», потом толкнул её и вошёл.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СТРАННЫЙ БАНКИР И ПСИХОЛОГИЯ ОДЕЖДЫ

1.

Как ни старался мистер Рок удерживать независимый вид уверенного в себе человека, вестибюль не оставил ему ни единого шанса, сразу подавив и размером, и роскошью и подчеркнуто неприличной атмосферой такого же неприлично огромного богатства!

Снаружи дом казался не большим, но внутри это был настоящий собор с потолком, убегающим в поднебесье, словно купол, и возвращающимся оттуда тонкой стрелой гигантской люстры. Люстра рассеивала вокруг бриллиантовые искры от хрустальных граней своих подвесок, из-за чего весь её свет казался не светом, а невесомой пылью. Золотой пудрой, сыплющейся и оседающей на всё вокруг, потому что и тонкие колонны, и перильца винтовой лестницы, уводящей куда-то вверх, сбоку от центрального алтаря, (то бишь, высокой стойки, за которой совершались банковские дела), и, конечно же, всякая мелочь в виде дверных ручек, старомодных задвижек и прочей ерунды – всё выглядело сделанным из золота, или многослойно им покрытым! На стенах, (конечно же, мраморных!), висели золотые бра в виде подсвечников с имитацией свеч из оникса, а с них гирляндами свисали слёзы того же бриллиантового хрусталя, будто капли обтекающего воска. Вереница портретов с высокомерными мужчинами и одной женщиной, чьи лица показались мистеру Року смутно знакомыми, размещалась за центральным «алтарём», неким банковским иконостасом. И, как только это сравнение пришло на ум, тут же вспомнилось, что всё это портреты с банкнот, которые тоже как-то сразу вспомнились!

Мистер Рок почесал нос, скрывая усмешку, и вестибюль мгновенно оплатил ему за непочтение, подбавив унижающей роскоши, (хотя казалось бы, куда уж больше?! Но, тем не менее...) Что-то вдруг тихо зажужжало, центральная стойка раскрылась, подобно рукам, готовым заключить гостя в объятия, и оказалось, что позади неё были не обычные для банка конторки, а сияющий золотом будуар с диванчиком и двумя креслами. По обе стороны диванчика высились постаменты с очень старыми блюдами, в которых, как яркие конфетки, переливались драгоценные камни, сверкающие среди всеобщего золотого безумия, кажется, ярче, чем должны были это делать по своей природе!

Аляповатость роскоши буквально резала глаза.

Мистер Рок вздохнул широко открытым ртом, будто во внезапном изумлении ему не хватило воздуха, опустил глаза и вдохнул снова. Пол под ногами оказался, конечно же, мраморный, но с инкрустацией из какого-то камня, или целого набора подобранных по цвету камней, которые словно бы светились изнутри. Хотелось немедленно подскочить и зависнуть в воздухе, чтобы не осквернять подобную красоту грязью подошв, и мистер Рок уже непроизвольно приподнял ногу, но в этот момент сверху по винтовой лестнице кто-то начал спускаться...

Из головы моментально вылетело всё, что не было связано с тем делом, ради которого мистер Рок сюда пришёл. Он приосанился, поправил, на всякий случай, шарф и постарался, чтобы лицо его как можно меньше походило на лицо просителя. Но, когда стало возможно рассмотреть спускающегося, весь наведённый лоск с лица мистера Рока словно бы стёк, и оно волей-неволей выразило одно только глуповатое изумление.

Это несомненно был местный банкир, господин Тиль Дорш собственной персоной! Но среди мраморно-золотой роскоши своего заведения, которое буквально диктовало стандартный банкирский облик, высокого дородного человека, влитого во фрак, с обязательной сигарой, бриллиантовой заколкой в галстук и кучей брелоков на цепочке для часов, он казался совершенно неуместным здесь шутовским клерком из водевиля! Растрёпанные волосы, кое-

как намотанный на шею дохлый шарфик, слишком широкие бордовые брюки в чёрную клетку и фиолетовый френч с кожаными налокотниками. Ботинки выглядели, в буквальном смысле слова, зачищенными до дыр и... О, да, сигара была! Но рыхлый нарост пепла на её конце не давал обмануться – сигара явно была из самых недорогих.

– Батюшки! Это кто же пришёл?! – воскликнул странный банкир довольно низким голосом. – Неужели мистер Рок?! Ну-ка, дайте-ка я на вас посмотрю...

Он порылся во внутреннем кармане френча, достал..., ну, наконец-то, золотые очки со стёклышками-половинками и, водрузив их на нос, принялся рассматривать мистера Рока с ног до головы.

Пожалуй, это выглядело бы бесцеремонно, не сопровождай банкир своё разглядывание самой приветливой улыбкой.

– А я всё о вас знаю, – сообщил он. – И ужасно сочувствую. Это очень правильно, что мистер Сойедис отправил вас первым делом ко мне. Пожалуй, я для вас сегодня основной спасательный круг, который готов помочь всем, чем сможет!

– А кто такой мистер Сойедис? – спросил мистер Рок.

Но ещё не закончив вопроса ответ сообразил сам, и почувствовал себя ужасно глупо. Права была Ленеоппа, когда переживала за него! Как можно кому-то понравиться при таком невнимании к единственным пока знакомым людям?! Столько времени провести в отеле и не удосужиться спросить фамилию хозяев!..

Однако банкир вопросу не удивился и на мистера Рока с укоризной не посмотрел, ответил сразу и с готовностью:

– Это хозяин вашего отеля. Он грек, потому и имя такое странное... Хотя, у вас, мой дорогой, имечко тоже уникальное! Но, в нашем случае, это, скорее, плюс.

Господин Дорш сделал приглашающий жест и повёл гостя в свой будуар, к уютному диванчику, обитому золотой парчой, где помог снять пальто и усадил с заботливостью зубного врача. Тут же, (словно они возникли прямо из стен), возле диванчика засуетились несколько служащих. Один подставил под опускающийся зад господина Дорша такое же, как диван, парчовое кресло, другой подхватил пальто мистера Рока, третий прикатил столик, уставленный чашками, чайниками, кофейником, вазочками с печеньем, пирожными, фруктами и целой вереницей бутылок в окружении бокалов для всех представленных напитков. Двое же оставшихся сноровисто принялись наливать и подавать гостю то, на что указывал господин Дорш.

– Ленеоппа прекрасно готовит, но такое печенье не сделает даже она! – приговаривал банкир, пододвигая Року вазочки. – И такого вина вы больше нигде не попробуете, потому что в отеле «Ахея» подают только греческое, в клубе у господина Деказорье исключительно французское, а у меня древнейший амантильядо! Попробуйте... А?! Как вам этот ореховый вкус? Разве можно сравнить с пошлой сексуальностью бургундского? И заешьте обязательно вот этим фруктом! Ничто другое так не оттеняет вкус этого изумительного хереса, как манго! И не говорите мне, что вы не любите манго, или, что этот фрукт с винами не подают. Я столько всего испробовал на своём веку, что могу поспорить с любым гурманом относительно того, что к чему подавать, и что с чем лучше сочетается!.. Ну? Попробовали? Ведь вкусно же, правда? А?!

Мистер Рок ничего не мог сказать о манго, потому что не помнил его вкуса, равно, как ничего не понял относительно сексуальности бургундского, но сочетание вина и фрукта ему понравилось. Да и всё, чем угощал банкир, действительно, оказалось превосходным и, конечно же, свежайшим, если не считать древнего вина. Под занавес были предложены на выбор сигары и сигареты, но от этого мистер Рок отказался наотрез, несмотря на то, что господин Дорш пытался всучить ему «на будущее» золотую коробочку, битком набитую тонкими коричневыми сигариллами с ароматом хереса, который они только что пили.

– Я совершенно не помню, что с этим делать, – отнекивался мистер Рок. – А, скорей всего, и не делал этого никогда, иначе само бы вспомнилось.

Он старался говорить беззаботно, дескать, помню, не помню – не проблема, у меня проблем вообще не бывает! Но банкир вдруг запечалился.

– Да, мистер Рок, вы настолько приятный человек, что я всё время забываю.. хе-хе, о том, что вы ещё раньше забыли совсем всё. Простите за этот каламбур, я просто человек весёлый и шучу порой даже во вред себе. Не хотите принять мои лучшие сигариллы, не надо. Сказать по правде, я и сам не большой любитель курева. Но привык и ничего не могу с этой привычкой поделаться. А вы не привыкайте. Давайте лучше перейдём к делу... У вас ведь ко мне дело, не так ли?

– Да.

Глаза мистера Рока мгновенно приобрели стальной блеск. Он весь подобрался. Рука неторопливо и с достоинством потянулась к нагрудному карману пиджака, откуда одним элегантным жестом извлекла листок с цифрами.

– Этот номер я вспомнил сегодня утром и, сам не знаю почему, решил, что таков номер моего банковского счёта... Не представляю, насколько это реально.., совершенно не помню, как это всё делалось, но может быть ваш банк проверит, или сделает какой-то запрос по номеру?

Лицо господина Дорша не отразило ничего, ни удивления, ни возмущения, ни даже усмешки, дескать, «что за глупости вы говорите, мистер Рок?!». Он просто сделал знак одному из тех служащих, которые во время трапезы крутились вокруг, а теперь скромно стояли в сторонке, чтобы ближайший из них принял у господина Рока бумажку. Служащий подскочил, цапнул листок и бесшумно исчез.

– Сейчас он всё проверит и принесёт нам ответ, – улыбнулся господин Дорш. – Но даже если это не номер счёта, вы можете ни о чём не беспокоиться в нашем городе, мистер Рок. Я охотно предоставляю вам какую угодно ссуду под самый маленький процент и всего лишь под поручительство нашего дорогого Сойедиса. Хотя, если вы не захотите его обременять, у нас найдётся много других отзывчивых людей...

Мистер Рок, готовился к долгим объяснениям и уговорам, и теперь еле скрыл радость от того, что, хотя бы первая часть его предприятия разрешилась так легко и быстро.

– Подозреваю, всё было бы проще, имей я какие-нибудь документы, – улыбнулся он в ответ.

– Несомненно так. – Банкир покивал почти сокрушённо. – Увы, таков порядок. Не нами заведён, не нам с ним и бороться. Порой всякое оружие бессильно, тогда как надлежащим образом справленная бумажка может всё разрешить и открыть любые двери. Сильнее этого только деньги, но лишь в случае, если их очень и очень много.

Пальцем он порылся в коробке с сигарами, вытащил одну, понюхал и бросил обратно.

– Полагаю, раньше вы не бедствовали, мистер Рок. И мозги у вас устроены, как надо, раз сумели в трудную минуту вспомнить самое необходимое. Надеюсь, мы разыщем ваш счёт ТАМ и организуем открытие корреспондентского счёта ЗДЕСЬ, чтобы вы получали нужные средства и устроились не хуже других.

– Как ЗДЕСЬ?! – изумился мистер Рок. – Честно говоря, мне бы хотелось вернуться туда, где я жил... Я надеялся по этому счёту узнать что-то и о себе! Хотя бы, в какой стране, в каком городе проживал, чем занимался, сколько мне лет, в конце концов! Это ведь можно? В том банке, где лежит этот чёртов вклад я же должен был заполнять какие-то бумаги?! Сделайте запрос, узнайте!..

Господин Дорш посмотрел на него с сочувствием и отрицательно покачал головой.

– Мой банк особенный, мистер Рок. Если где-то ваш вклад существует, я смогу это узнать, смогу, как уже сказал, заключить корреспондентский договор с вашим прежним банком, но...

Как бы это объяснить попроще? Я ничего не делаю напрямую, от своего, так сказать, имени... Все операции с другими банками производятся через третьих лиц по очень сложной схеме, в которой первое наиглавнейшее условие анонимность!

– Но зачем?! Почему?!

– Потому что здесь, в большинстве своём, живут люди, желающие покоя. К нам даже дороги толковой нет, чтобы не забредали кому не надо, и в этом вы имели возможность убедиться. Многие горожане настолько богаты, что могут позволить себе не желать контактов с внешним миром. Они доверили мне деньги с одним-единственным условием, и я это условие выполняю неукоснительно...

– Но я не посягаю на тайну вашего существования! – перебил мистер Рок. – Я всего лишь хочу знать, где жил раньше и вернуться туда! Пусть этот ваш господин Самид, или господин Мей отвезут меня на своём самолёте! Я даже дороги не запомню! А названия вашего города, как не знал, так и не узнаю!

Он вдруг страшно разволновался. Схватил со столика бутылку любимого хереса господина Дорша и безо всякого почтения плеснул себе в бокал.

Банкир ласково улыбнулся.

– Так ли уж вам это надо, драгоценнейший мистер Рок? Ну, предположим, вернётесь вы, и что? Думаете, так сразу всё и вспомните? А если нет? Ведь вы наверняка жили в каком-нибудь огромном городе, где деловые люди давно уже не заводят друзей, а семью создают по голому расчёту и скрепляют брачным контрактом. Вас там просто могут не захотеть вспомнить, если это окажется не выгодно! И, что вы будете делать в этом аду? Вы?! Человек, который из всей своей прожитой жизни сумел вспомнить только имя и номер банковского счёта, обычно никем не запоминаемый! Что вас так тянет назад, если всё самое дорогое у вас при себе? Оставайтесь тут и ждите, когда память к вам вернётся. Тогда, и господин Самид, и господин Мей с удовольствием доставят вас, куда скажете. А пока память не вернётся, вы, как я и обещал, и здесь не пропадёте.

Мистер Рок невесело усмехнулся.

– Не пропаду при условии, что те цифры действительно номер счёта, и что на нём есть сумма достаточная, чтобы не пропасть нигде.

– Зря вы так. Хотя..., вот сейчас мы всё и узнаем...

Господин Дорш поднял лицо к служащему, который вернулся с несколькими листами в руках и теперь самым почтительным образом протягивал их банкиру. Дорш взял бумаги, изучал их не дольше минуты, потом лицо его изобразило фальшивое сострадание.

– Ну вот... Как я и говорил, мистер Рок, без памяти вам совершенно нечего делать в большом мире.

Одним коротким движением он стряхнул очки с переносицы на самый кончик носа и устоялся на мистера Рока поверх стекол-половинок с таким видом, словно решал в уме какую-то сложную задачу. Потом неожиданно растёкся в улыбке.

– Добро пожаловать в наш город, мистер Рок! Вы удивительно богатый человек, и ваше место, определённо, здесь.

2.

Из банка мистер Рок вышел с толстым кожаным портфелем, золотые замки которого весело сверкали на солнце в полном соответствии с настроением их нового владельца!

Господин Дорш заявил, что отныне деньги мистера Рока становятся его заботой и выдал, как он сказал «на первое время», этот самый портфель, битком набитый денежными пачками. На прощание добавил, что мистер Рок теперь один из почётных рантье города, после чего крепко пожал руку и подарил художественно выполненную складную карту с указанием всех заведений, магазинов и достопримечательностей.

В эту карту мистер Рок уставился сразу, едва за ним закрылись банковские двери. Город, как гласила карта, назывался Мидегод. Из краткой исторической справки можно было узнать, что основал его предок господина Тиффо, но в каком году указано не было, и мистер Рок почему-то сделал вывод, что Мидегод не так уж стар. Этот факт подтверждался почти полным отсутствием достопримечательностей. Под первым номером значилась церковь, которую мистер Рок, идя к банку, уже видел, под вторым колодец на небольшой площади недалеко от центра и, наконец, дом самого господина Тиффо. Последний, по совместительству, служил, видимо, и ратушей, или главным административным зданием, потому что стоял на центральной площади и являлся там самым большим домом. От банка до него было рукой подать, и хотелось сразу пойти и посмотреть, но мистер Рок, хоть и был опьянён радостью от своего финансового состояния, всё же трезво рассудил, что всему своё время и, коль уж ему придётся пожить здесь какое-то время, то спешить незачем.

«Постарайтесь понравиться всем», – вспомнил он слова Ленеоппы. Что ж, с этого и следует начать! Мистер Рок сверился с картой и пошёл покупать себе перчатки.

Лучший магазин находился на улице перпендикулярной той, что соседствовала с банком. Здесь тоже был очень внушительный фасад, но после знакомства с заведением Тиля Дорша говорить о каком-то богатстве и роскоши уже не приходилось. На вкус мистера Рока всё было очень просто, добротно и сразу внушало доверие к той пояснительной части карты, где говорилось, что «магазин господина Струкропа предоставит вам всё самое модное и самое лучшее из всего модного!»

– Отлично! – сказал себе мистер Рок.

От тяжёлого портфеля по всему телу распространялась необычайная лёгкость, что позволило ему войти в магазин не каким-то там обычным шагом, а эффектно и элегантно. Две продавщицы, брюнетка и блондинка, обе хорошенькие, словно куклы, так и застыли с разинутыми ртами. Однако, как ни хотелось мистеру Року думать, что только его неотразимая внешность произвела на них такое впечатление, он всё же вынужден был допустить, что, скорее всего, слухи о некоем потерявшем память господине дошли уже и сюда.

– Добрый день, дамы, – произнёс мистер Рок.

И тут же поразился тому, как бархатно прозвучал голос. «Может, вы были женским доктором?», – вспомнилось ему. Может быть..., и даже очень может быть, особенно, если учесть, с каким удовольствием он смотрел на идущих к нему девушек.

– Мистер Рок! – воскликнула одна. – А мы вас ждали!

– Как это мило, что к нам вы пришли в первую очередь! – подхватила другая.

– Человек со вкусом не мог поступить иначе, – с наигранной укоризной сказала первая второй. – Когда требуется новый гардероб, всегда идут к нам!

– Ну, конечно! Ты абсолютно права!

После этого обмена репликами два кукольных личика выжидающе уставились на мистера Рока, а из затонувшего мешка его памяти вдруг полезли какие-то бессвязные мысли о дешёвом спектакле, плохой актёрской игре, и что-то типа, «с такой оснасткой можно и без рекламы...», что показалось мистеру Року совсем уж непонятным, но однозначно вульгарным.

– Мне нужны перчатки, – улыбнувшись сразу обоим сказал мистер Рок.

Девушки, как по команде, чинно сложили ручки перед собой и начали мурлыкать что-то о размере, о цвете, о типе кожи...

– Я ничего в этом не понимаю, – перебил их мистер Рок. – Мне нужно то, что подойдёт к этому.

Он провёл рукой вдоль борта расстёгнутого пальто.

Девушки профессионально его осмотрели, потом одна отошла к стене со множеством ящичков, а другая показала мистеру Року, где можно расположиться и спросила, не желает ли он чего-нибудь выпить? Мистер Рок не желал. Не снимая пальто поставил свой бесценный

портфель на низкий столик, сел в предложенное кресло и закинул ногу на ногу. Девушка встала перед ним, по-прежнему заученно держа перед собой сложенные ручки, и осведомилась, намерен ли господин обновить свой гардероб именно сегодня? Она так и сказала: «обновить», при этом слегка замялась, чтобы не обидеть гостя напоминанием о бедственном состоянии его памяти.

– Мне нечего обновлять, – сказал мистер Рок. – Всё моё на мне. Но, как только мы подберём перчатки, сразу займёмся гардеробом.

Девушка радостно пискнула.

– Тогда я должна позвать господина Струкропа! Он велел ни в коем случае вас без него не обслуживать.

Мистер Рок весело проследил за тем, как ловко она просеменила по ступеням на второй этаж, (ступеням слишком высоким для её узкой юбки), и скрылась где-то в святая святых магазина, где находился, видимо, кабинет его владельца. Тут же вторая девушка поднесла ему несколько коробочек с перчатками и, раскладывая их на демонстрационном столике, который подкатила от прилавка, чтобы мистер Рок ни в коем случае не вставал, принялась без умолку щебетать о качестве кожи, достоинствах кроя и отделки, а так же о всяких кнопочках и вставочках, которые далеко не всегда делали перчатки удобнее и краше, но зато всегда повышали их стоимость.

Мистер Рок выбирал с отличным знанием дела. Не мешая продавщице выполнять свои обязанности, он слушал её в пол уха пока рассматривал принесённые перчатки и, выбрав одни цвета тёмной стали, вежливо дождался паузы, чтобы коротко бросить:

– Эти.

Девушка, которая замолчала только затем, чтобы набрать воздуха, и ещё не успела перестроиться, пару раз хлопнула ресницами в полной растерянности – она ещё так много не сказала. Но тут по лестнице зацокали каблочки её возвращающейся подруги, а следом за этим бодрый мужской голос радостно возгласил:

– Прекрасный выбор, мистер Рок! Вижу, вы станете нашим завсегдатаем, потому что, при таком вкусе, вам больше нигде не угодят должным образом!

Мистер Рок обернулся к лестнице и встал, приветливо наклонив голову.

Господин Струкроп оказался не толстым, но тучным, или, скорее, рыхлым человечком с приземистой женской фигурой. Узкие плечи, широкие бёдра и коротковатые ноги. Он не был плешив, что с высоты роста мистера Рока было хорошо видно, но волосы самым неестественным образом расходились из центра макушки идеальным ровным кругом и лежали на голове подобием чёрной шапочки, вся же остальная голова была тщательно выбрита. На мягких ватных пальцах матово блестели наманикюренные ногти, и на одном из безымянных красовалась золотая печатка, совсем небольшая, под стать маленьким рукам господина Струкропа. Его шею украшал платок, завязанный с продуманной небрежностью, из-за чего все складки должным образом подчёркивали качество великолепного шёлка, а крошечная серебряная заколка оттеняла цвет. Да и весь остальной костюм господина Струкропа никому не давал усомниться в том, что человек этот в одежде толк знает. Несовершенства фигуры были скрыты удачно подобранной длиной пиджака и кроем брюк, а цвет рубашки оживил лицо, бледностью и вялостью больше похожее на разваренное тесто. Пожалуй, раздень такого и станешь думать, что природа бывает порой и глумлива, и жестока, но, по счастью, люди придумали одежду...

– Что ж, мистер Рок, добро пожаловать в наш город!

Господин Струкроп церемонно остановился перед гостем, не дойдя двух шагов.

– Я велел своим помощникам позвать меня, если вы пожелаете у нас одеться. Хочу сам предложить всё самое лучшее, так что, располагайтесь, мой магазин целиком к вашим услугам.

Еле заметным движением пальцев он «запустил» в движение обеих девушек, и те суетливо зацокали вокруг. Одна выложила перед мистером Роком каталоги, другая отёрнула тяжё-

лую драпировку, за которой обнаружили три манекена, одетые в домашний, повседневный и выходной костюмы. Господин Струкроп подошёл к ним с видом экскурсовода, демонстрирующего главный шедевр музейной коллекции и посмотрел на мистера Рока, как на юбиляра, ждущего подарка.

– Я позволил себе заранее кое-что для вас подобрать, – возвестил он, останавливаясь возле выходного костюма и оглаживая его рукав. – Но, если вы пожелаете что-то заменить, или создать совершенно другой образ, выберите из каталога, и всё вам будет предоставлено.

Мистер Рок осмотрел костюмы.

Слов нет, вещи были подобраны умело, со вкусом и даже с фантазией, особенно заметной в деталях. Смутил только цвет.

– Почему всё чёрное? – спросил мистер Рок. – Я, конечно, нахожусь в некотором расстройстве, но не настолько... Вам не кажется это слишком траурным?

– Конечно, – кивнул господин Струкроп. – Только не траурным, а глубоким. В этом большая разница.

Мистер Рок скрыл замешательство, ибо ничего не понял, и снова попытался возразить, старательно подбирая слова, чтобы не обидеть хозяина

– Ну, не знаю... Я многое забыл..., может быть для выхода этот глубокий чёрный будет уместен, но дома, как мне кажется, можно заменить хотя бы рубашку на...

– Это ваш цвет, – перебил господин Струкроп, и в глазах его очень коротко, но уловимо промелькнуло недовольство. – Ваш образ – образ таинственного незнакомца. Так о вас говорят в городе, таким вас хотят видеть! Ваш мозг поглотил ваши воспоминания точно так же, как чёрный цвет поглотил все остальные цвета. Но!..

Тут он торжественно поднял палец и, движением фокусника, выдернул из стоящей рядом вазы ярко жёлтый цветок на длинном стебле.

– Посмотрите, что происходит, когда появляется новый цвет!

Господин Струкроп приложил цветок к лацкану повседневного костюма. Лепестки жёлтым буквально загорелись! В сердцевине сразу стали заметны оранжевые вкрапления наверху тычинок и едва уловимый салатовый оттенок их стебельков.

– Видите?! – спросил господин Струкроп с откровенным торжеством. – Чёрный любой другой цвет оттеняет, как никто! И ваш мозг с каждым новым впечатлением будет поступать так же. Поэтому, видя вас во всём чёрном, люди, и особенно дамы, инстинктивно станут к вам тянуться, чтобы по-новому засиять самим и попытаться сделать вашу жизнь более яркой! А они будут пытаться обязательно, потому что ни в одном другом городе вы не найдёте людей более отзывчивых к чужому бедствию, как в нашем!

Мистер Рок смущённо почесал кончик носа.

– Какая интересная теория.

– Это прописная истина! – воскликнул господин Струкроп. – Ваш нынешний костюм великолепен по качеству, но о чём он нам говорит? О стандарте! О безликом существовании человека, растворённого в деловой жизни! Где-то в мегаполисе во всём этом вы просто потянетесь в толпе, а здесь не продвинетесь дальше простого любопытства. Но вы должны всем понравиться, и в чёрном я могу вам это гарантировать почти стопроцентно!

Мистер Рок не стал выяснять версию хозяина магазина, для чего он должен всем понравиться. Просто начал прямо с него и согласился купить чёрные костюмы, решив про себя, что более легкомысленное и неподходящее для таинственного образа найдёт где-нибудь в другом месте. Спросил о стоимости всех вещей и страшно удивился, что для расплаты ему хватило всего трёх бумажек из туго набитого портфеля! Ещё столько же ушло на обувь, на бельё, на элегантную шляпу, высокую стопку носков различной тонкости и качества, и ещё осталось на необходимые аксессуары в виде зонта и дополнительной пары перчаток. Разумеется, всё было чёрным, включая и бельё, и в результате, единственным дозволенным цветным пятном

в новом облике мистера Рока стали золотые часы, но на чёрном ремешке из какой-то немис-
лимо редкой кожи.

– Ну вот, на первое время вам хватит! – с удовлетворением сказал господин Струкроп. –
Или вы желаете посмотреть что-то ещё?

– Нет, спасибо, вы всё за меня продумали наилучшим образом.

Мистер Рок улыбнулся, как можно шире. Чёрными вещами он был завален по самую
макушку и очень сомневался, что из каталога, или из того ассортимента, который был в нали-
чии, ему позволят выбрать что-то другое.

– Я всем доволен!

Он натянул перчатки, чем вызвал новую тень неудовольствия на лице господина
Струкропа, поскольку они были те, первые, стального цвета, которые мистер Рок успел выбрать
самостоятельно. Но взаимный обмен улыбками всё же состоялся. Предложение немедленно
переодеться мистер Рок вежливо отклонил, попросил доставить купленные вещи в отель
«Ахея», но пообещал, что прямо сегодня повесит свой костюм в шкаф и во всем станет сле-
довать рекомендациям такого большого знатока в области психологии одежды, как господин
Струкроп.

Хозяин поклонился в ответ. Но, когда гость уже пошёл к двери, глазки его сверкнули
и он произнёс вполголоса, но достаточно слышно,

– Вам нужно будет очень внимательно следить за собой, мистер Рок. Очень...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. МЫСЛИ, СОМНЕНИЯ, РАЗГОВОРЫ

1.

Оказавшись на улице мистер Рок немного постоял на пороге магазина. Выслушал голос собственного безрассудства, который подбивал прямо сейчас устроить обзорную экскурсию по городу, потом склонил слух к голосу разума. Тот требовал вернуться в отель, снять комнату, расплатиться с доброй четой Сойедисов и за ужином как следует выяснить, куда в этом Миде-годе следует пойти в первую очередь, а куда без нужды лучше не соваться вообще.

Голос разума победил.

Мистер Рок плотнее перехватил денежный портфель и двинулся назад, к отелю.

На этот раз ему встретились трое прохожих. При виде мистера Рока глаза их удивлённо округлились, а взгляд сделался настороженным и почти испуганным. Неуверенно поприветствовав незнакомца, они потом ещё долго озирались и переглядывались, словно спрашивая друг друга, кто это такой? Из чего следовало заключить, что не до всех в городе дошла новость о незваном госте.

Тоже обернувшись на прохожих, (что их, кстати, заметно напугало), мистер Рок усмехнулся и замедлил шаги, переходя на беззаботный прогулочный аллюр. Последние слова господина Струкропа показались ему лишними во всём том безупречном действии, которое было разыграно в магазине, но в целом не очень удивили и, уж конечно, ничуть не напугали. Подозревать местных жителей в каком-то злом умысле против себя у мистера Рока не было никаких оснований, а про необходимость следить за собой уже говорили и Ленеоппа, и, отчасти, Луисс, который достаточно толково разъяснил, почему доктор, так таинственно появившийся в Мидегоде, должен всем понравиться.

Дело ясное – все более-менее влиятельные жители города знали о навязчивой идее так любимого ими мэра и, конечно же, были заинтересованы в том, чтобы он совсем не свихнулся. Неторопливо прогуливаясь, мистер Рок имел возможность лучше рассмотреть улицы, по которым шёл, и вынужден был признать, что, в чём, в чём, а в этом понять местных жителей можно. Дома выглядели чистенькими, ухоженными, аккуратно обнесёнными заборчиками, за которыми в летнее время наверняка цвели пышные газоны с прячущимися между цветов, где античными скульптурами, а где просто глиняными гномами, утятами и прочей чепухой, которую великодушно выцедил из себя застрявший мешок с памятью. Мостовые были чисто убраны, сметённый снег утрамбован в ровный бортик вдоль проезжей части, на которой, кстати, отпечатался чёткий машинный след. В первую минуту след этот поверг мистера Рока в замешательство – выходит, здесь есть не только самолёты! Но потом он подумал, что от аэродрома до магазинов, ресторанов и кафе привезённые продукты и вещи надо как-то доставлять, и с его стороны было совсем уж глупо думать, будто в Мидегоде нет никаких машин.

Тут же, словно в подтверждение тому, мимо прогрохотало нечто, похожее на хлебный фургон с ярким, живописно разрисованным кузовом. Водитель что-то неразборчиво крикнул и приветливо махнул шляпой. Мистер Рок в ответ приподнял свою.

Фургон весь сиял тщательным уходом, что вернуло мысли к личности мэра и общественной заботе о нём.

Даже при условии, что живут здесь только богачи и люди просто состоятельные один хозяин, следящий за всем был необходим, ибо скопом управлять невозможно. Это мистер Рок понимал даже с потерянной памятью. В любом приличном доме, где существует мало-мальский порядок всегда есть кто-то, кого называют «хозяин», и, к слову, чем хозяин лучше, тем больше в доме порядка. В Мидегоде достаточно было пройти по двум, трём улицам, чтобы

понять – тут порядок идеальный! Потому, наверное, так и беспокоятся местные о своём хозяине. Кто знает, каковым окажется новый, если господин Тиффо расстареется и, наконец, загонит себя в могилу? Ради душевного спокойствия мэра тут бы, верно, любого, случайно забредшего бродягу, объявили бы доктором только для того, чтобы подсунуть его, как того самого, ожидаемого, предварительно научив, что и как господину Тиффо следует говорить!..

Мистер Рок вдруг резко остановился.

А не слишком ли идеально всё с ним сложилось?!

Конечно, случайности, порой, происходят такие, что нарочно не придумать, но..., с другой стороны, ему-то об этом откуда знать? Он что, много помнит таких случайностей? Нет. Ни одной не помнит. И даже того, что когда-то был доктором не помнит тоже. Зато вполне отчётливо вдруг понял, что не может быть простой случайностью появление доктора, (пусть даже и беспамятного), в таком месте, куда в здравом уме просто так не попадёшь, и где ждут доктора, хоть какого-нибудь, лишь бы сказал от своего лица то, что всем очевидно!

Мистер Рок потёр лоб, от чего новая шляпа едва не свалилась с головы.

И богатство это... Как-то очень уж легко и кстати вспомнился номер банковского счёта, по которому, раз-два, и обнаружилось солидное состояние, так мгновенно, без подписей и договоров, переданное другим банком в распоряжение господина Дорша!

Спины противно и коротко коснулся холодок страха...

Хотя, портфель с деньгами..., вот он, в руке, безо всякого обмана... Но всё равно, как-то странно... Мистер Рок, конечно, не помнил всех тех процедур, которые проходил раньше при совершении банковских операций, но из чёртового мешка его застрявшей памяти, который никак не хотел выпустить наружу всё содержимое разом, тянулся тонкий ручеёк смутных ощущений! Они-то и подсказывали, что слишком, слишком всё просто сложилось с господином Доршем, и, возможно, никакого состояния нет в помине, а этот портфель всего лишь докторский гонорар...

Но тогда, что за номер всплыл в памяти сегодня утром, и почему те же самые смутные ощущения сразу подсказали, что это номер его, мистера Рока, банковского счёта?!

Разрешить всё могла бы память. Точнее, её возвращение. Но, когда это ещё случится и случится ли вообще? Поэтому...

Мистер Рок поправил шляпу.

Он зритель! Зритель и только! А таким положено всё принимать на веру и довольствоваться тем, что есть. И у него, чёрт побери, есть далеко не самое худшее – он богат, таинственен, и, на первый взгляд, здесь ему рады!

2.

Вытертый коврик на ступенях отеля днём показался не таким ветхим и утратившим краски, как ранним утром. Мистер Рок вспомнил свои ощущения, удивился, что воспринимает их, как нечто, произошедшее уже очень давно и почти не с ним. Потом едва ли не смущённо поджал губы, представив до чего нелепо выглядел здесь же, на этом самом месте, когда изгибался всем телом, чтобы помочь одеревеневшей руке подняться к звонку! Будто желая подразнить самого себя, сейчас он неторопливо, с величайшим достоинством поднял руку в новой, безусловно элегантной перчатке и надавил на флюоресцентную кнопку звонка.

На улице уже заметно стемнело. Золотистый свет так же, как и сегодня на рассвете, пробивался сквозь окошко-иллюминатор, одним своим видом создавая иллюзию тепла и уюта. Вторя ему за дверью прошаркали знакомые шаги, после чего на пороге, «уже виденным» возник Луисс, но не в растянутой кофте, так напоминавшей халат, а в обычных брюках и в рубашке, у которой сгибы манжет ещё не были покрыты бахромой старости.

– Мистер Рок! – воскликнул он, отступая назад. – Как я рад, что всё у вас сложилось хорошо! Говорил же, что вы человек непростой, если господин Дорш пожелал иметь с вами дело! Если так дальше пойдёт, к вам вернётся и ваша память, и ваша прежняя жизнь!

Мистер Рок вошёл. Дверь за ним мягко скрипнула, закрываясь.

– Как, однако, быстро у вас расходятся новости, – заметил он без особого удивления. – Мне на ум пришла фраза: «Слухами земля полнится». Это я к месту вспомнил?

Луисс засмеялся, отступил ещё на шаг и выразительно обвёл своего гостя глазами.

– Мне не нужны слухи, мистер Рок. Я вижу, что на вас новая шляпа, на руках новые перчатки и в них очень дорогой портфель. Надо полагать, господин Дорш выдал вам ссуду?

– Нет, – в тон ему ответил Рок. – После сна в вашем замечательном отеле мне вспомнились кое-какие цифры. Я их записал, и оказалось, что это номер моего банковского счёта, который господин Дорш любезно отыскал и даже сумел перевести сюда.

На приветливом лице Луисса появилось странное выражение. Он раскрыл рот, несколько раз хлопнул глазами в полной растерянности, но быстро опомнился и кое-как вернул себе улыбку, хотя уже и не такую широкую.

– Что ж..., в таком случае вам повезло самым невероятным образом... поздравляю, мистер Рок... Господин Дорш воистину творит чудеса... Выходит, Ленеоппа зря искала ящики для амфор.

Он поспешно отвернулся и засеменил за свою стойку.

Мистер Рок последовал за ним.

– Я хочу снять у вас комнату, дорогой господин Сойедис, – сказал он и выложил на стойку деньги, наобум вытащенные им из портфеля. – Не знаю, что и сколько у вас стоит, но, если мало, скажите, я заплачу сколько нужно.

Луисс глянул на деньги и сглотнул.

– Этого очень много, мистер Рок!

– Ничего страшного, я ведь не знаю, сколько придётся у вас прожить.

– Но этого всё равно очень много!!!

Мистер Рок подвинул к нему деньги и демонстративно застегнул портфель.

Луисс снова сглотнул.

– Тогда сделаем так.

Он нагнулся, пошарил где-то в недрах своей стойки, вытащил металлическую коробку с пластиковым окошком и вставленной в это окошко, чистой пока, карточкой. Ловко выдернул белый прямоугольник, написал на нём «Мистер Рок», потом пересчитал деньги, что-то отложил, остальное сунул в коробку, запер и, дописав на карточке сумму, вернул её на место.

– Если память вернётся к вам быстро, – сказал, протягивая ключ, но при этом не глядя мистери Року в глаза, – я верну остаток.

– Договорились, – кивнул мистер Рок. – А что у нас с ужином? Я не опоздал?

– Нет, нет! – суетливо, и по-прежнему не поднимая глаз, ответил Луисс. – Ленеоппа ждёт вас..., там всё готово...

Он нырнул под стойку, чтобы спрятать коробку с деньгами и завозился там, что-то передвигая и чем-то хлопая.

Мистер Рок не стал дожидаться, когда хозяин вынырнет. И без того было ясно, что милейший Луисс чем-то крайне смущён и изо всех сил старается это скрыть. Расспрашивать его о причине смущения мистер Рок посчитал глупым. Если бы Луисс захотел, сам бы сказал, что не так, а раз молчит и прячется, то спрашивай, не спрашивай, всё одно ничего не узнаешь. Или узнаешь совсем не то, что есть на самом деле. К тому же, мистер Рок дал себе слово всё принимать на веру. В худшем случае, попытаться путём логических рассуждений разобраться во всём непонятном своими силами. «Луисс мог испытать смущение от того, что я оказался богат, – рассудил он. – Известие это явно застало его врасплох, и, кажется, немного испугало.

Разве не может это быть потому, что здесь к богатым людям принято относиться как-то по-особенному, а они с Ленеоппой настроились, скажем, на покровительственный лад, или что-то в этом роде. Теперь надо перестраиваться, и Луисс сознательно отгораживается от того панибратства, которое между нами начало складываться... Это возможно. Но будет жаль, если так, потому что они милейшие люди, и мне совсем не хочется жить здесь на правах господина. Хотя, с другой стороны, коли тут так заведено, то не мне и менять...»

С этими мыслями мистер Рок поднялся в свою комнату. Всё в ней было чисто прибрано, постель аккуратно застелена, шторы задёрнуты не до конца, так что оставался заметен чудесный вид за окном, позолоченный вечерним светом из окошек уютных маленьких домиков внизу. Дальний лес к этому времени уже слился темнотой с небом и стал всего лишь беззвёздной полосой на горизонте. Совсем не страшной.

Мистер Рок смотрел в окно не дольше минуты, потом решил, что не плохо было бы принять душ перед ужином. Портфель он зачем-то сунул под кровать, но, уже в дверях ванной передумал и забрал с собой. Ему смешно было ощущать, как трусливо и скаредно он носит с этим портфелем, чем дальше, тем больше опасаясь выпустить из поля зрения его раздутые кожаные бока и золотые замки. Но, даже смеясь над собой и наблюдая, словно бы со стороны, мистер Рок всё же занёс портфель в ванную, где поставил на видное место, а моюсь, не закрывал двери душевой кабинки.

Назад он вернулся тем же манером, только портфель нёс уже будучи не в костюме, а замотанным в полотенце. И первым делом увидел стоящие возле кровати пакеты, на которых скромным шрифтом было набрано: «Магазин господина Струкропа».

– Очень кстати, – пробормотал мистер Рок.

С величайшим наслаждением он оделся, чувствуя, как ласкают тело отменного качества ткани белья, рубашки, брюк..., как мягко и податлив в его руках ремень, как весомо охватили запястье часы..., как весь он будто вошёл в тесную кабинку, где больше никто не поместится, ибо всё создано для него и только под его, мистера Рока, личное пространство! Он подошёл к зеркалу, чувствуя себя удивительно обновлённым. Напротив стоял человек, одетый во все оттенки чёрного, такой же таинственный и отдалённый, как лес по ту сторону поля. Его ещё предстояло создать... Или узнать? Но, как бы ни было потом, сейчас он был чист в своей глухой черноте и благодарен прозорливому господину Струкропу за совет. Даже наедине с собой, глядя в зеркало на себя же, мистер Рок чувствовал острое желание расположить к себе того, кого видел в отражении. И в то же время, понимал, что любой шаг навстречу упростит этого чёрного человека и лишит его привлекательной таинственности!

«Ну вот, выходит, все мне здесь дают исключительно дельные советы! – думал мистер Рок, когда спускался. – Ленеоппа советовала держаться отчуждённо, а Струкроп снабдил необходимой для этого материальной составляющей. Одно дополнило другое, и результат мне очень нравится. Если так пойдёт дальше, то мэру меня подадут на золотом блюде, посыпанным пряностями, чтобы ещё и пах хорошо, и буду я к тому моменту абсолютным совершенством!»

Мистер Рок задержался в тёмном коридоре, чтобы усмехнуться этой мысли, потом придал лицу то выражение, с которым смотрелся в зеркало, и вошёл в столовую.

3.

На сей раз там была не только Ленеоппа. Точнее, присутствие хозяйки обозначалось перезвоном посуды на кухне, а в самой столовой находился всего один человек.

Сосед-художник, который так и не дождался мистера Рока во время обеда, сидел за своим столиком с кружкой чего-то горячего. Он задумчиво смотрел в тёмное окно, отражался в нём, словно в зеркале, и казалось совсем растворился в одном ему видимом пейзаже, где не оставалось уже ничего материального, а только призраки плясали под взошедшей луной. Всклокоченные волосы, свёрнутая на бок жидкая бородёнка, лицо с аскетично проваленными щеками и его

самого превращали в призрак. Но, когда, на шаги мистера Рока, человек обернулся, глаза его оказались живыми и внимательными. В них блеснул интерес, граничащий с радостью, и человек приподнялся.

– Мистер Рок!?! – сказал он полувопросительно. И тут же сам себе ответил: – Ну, конечно! Быстро вылез из-за стола, подошёл и протянул руку.

– Я Хирон Мебис, местный художник. Простите, что вот так..., почти навязываюсь, но вы мне ужасно интересны! Не обижаетесь?

Мистер Рок пожал протянутую руку.

– Я вас заочно уже знаю. И никакой обиды не чувствую, только приятность от знакомства и участия.

Рука была плотной, совсем не призрачной, а наоборот, очень крепкой. Средний палец и прилегающая к нему сторона указательного сначала показались грязными, но это была всего лишь краска, то ли не до конца отмытая, то ли уже безнадежно въевшаяся в кожу. Господин Мебис крепко тряс руку нового знакомого и при этом широко улыбался, являя то небольшое, что осталось у него от зубов.

– Я ждал вас сегодня днём, мистер Рок. Это было, конечно, глупо, но, мало ли, вдруг... Рад, что сейчас удалось, потому что завтра, увы, возвращаюсь к себе на квартиру. Не будете возражать, если составлю вам компанию за ужином? Нарочно не стал есть один...

Разговаривая, он выдвинул второй стул у столика, за которым сидел, и сделал приглашающий жест.

Мистер Рок сдержанно поблагодарил. Даже если бы он был против компании, отказываться теперь было неудобно. Но он не был против.

– Вы уже закончили свою картину? – спросил, усаживаясь.

– Да... да, почти, – закивал Мебис, огибая стол и занимая место напротив. – Я сделал несколько эскизов в разное время суток, теперь буду сочинять что-то своё на этой основе. Сам по себе пейзаж, конечно же, красив, но он должен быть наполнен смыслом, какой-то историей, действием... Приходите, как-нибудь, ко мне, покажу вам старые работы... Не те, конечно, которые когда-то..., – он неопределённо помахал рукой. – Здесь я написал много нового, ничуть не хуже... Приходите. Я ведь не просто так зову, у меня к вам корыстный интерес...

Он прищурился, окидывая взглядом оценщика всю фигуру мистера Рока и явно желая свой корыстный интерес пояснить, но тут в дверях кухни появилась Ленеоппа с большим подносом в руках.

– Добрый вечер, мистер Рок, – сказала она приветливо, когда подошла и начала переставлять тарелки с подноса на стол. – Вижу у вас всё хорошо. Этот новый чёрный костюм вам очень к лицу.

– Да, да! – подхватил Мебис. – Я только собирался сказать... Мистер Рок выглядит так загадочно... Будь я портретистом...

Он не договорил, с интересом заглядывая в тарелки, от которых дурманом расходился аппетитный запах только что приготовленной еды.

– Это что ж такое, драгоценная Ленеоппа?! Неужели моя любимая луканико и мусакас? И салат?! А вино будет?

Ленеоппа с улыбкой покачала головой, шутливо погрозила Мебису пальцем и ушла на кухню, откуда вернулась через минуту с большой бутылку в руках.

– Она чудесно готовит греческие блюда! – сообщил художник, когда, поставив перед ними вино, Ленеоппа снова удалилась. – Я нарочно всё это заказал, чтобы вы попробовали. Ужин, разумеется, за мой счёт.

Мистер Рок с признательностью наклонил голову.

Несколько минут они ели в тишине, лишь изредка издавая звуки, напоминающие тихое мычание. Наконец, господин Мебис не выдержал:

– Язык проглотить можно! – воскликнул он. – Если бы мне нравилось рисовать еду, тарелки и всякие вазы с фруктами, то, наверное, поселился бы тут окончательно! Но, увы, предпочитаю всё это внутрь.

Он потянулся к бутылки, которую взял двумя руками, за горлышко и за дно, бережно наклонил сначала над бокалом мистера Рока, потом над своим и, наполнив их, провозгласил тост за знакомство.

– Очень рад, – сказал мистер Рок, вытирая рот полотняной салфеткой.

Вино ему понравилось и показалось не таким тяжёлым, как херес господина Дорша. По телу мягко разлилось умиротворение, о котором так и хотелось сказать, что оно золотистое, но говорить-то как раз и не хотелось. Спустя пол часа после начала ужина мистеру Року хотелось только сидеть в приятном оцепении и слушать болтовню господина Мебиса, оказавшуюся, на удивление, очень кстати.

– Знаете, мистер Рок, о чём я жалею в такие минуты, как сейчас? Не знаете? Ну, конечно же нет! Я художник. Человек, как любят про нас говорить, не от мира сего. Поэтому и мечты у меня.., – он покрутил пальцем у виска, – ... под стать. А мечтаю я о том, чтобы уметь транслировать свои картины прямо в головы людям, чтобы видели внутренним взором точно так же, как вижу я! Кто-то скажет: «Фу, ерунда! Какой ты после этого художник? Мозгами любой дурак сумеет!» Но фокус-то в том, что нет! Не любой! И, уж конечно, не дурак!.. Почему, по-вашему, я не рисую пейзажи и всякую прочую мертвечину? Потому что картину нужно пропустить через себя и совсем не так, хе-хе, как мы пропускаем это вино... Вот придёте ко мне, посмотрите, и я вам поясню... А из мозга в мозг – тут всё разом, и образы, и чувства! Как красивая женщина, к примеру. Вы её видите, она вам нравится, но какова она и есть ли в ней трепет, понять не можете. Зато, когда обнимете, прижмёте к себе, тут вам сразу всё и откроется, даже если она захочет солгать и притвориться какой-то иной. В объятиях кожа растворяется, уж поверьте, и всё, что под ней.., даже если пустота... В пустоту провалитесь, как в яму, но это редко. Вот здесь, – он постучал по груди, – здесь всегда что-то прячется. А если ещё и в глаза заглянуть, совсем беда может приключиться...

Он зажмурился, и было непонятно, то ли от удовольствия, вызванного какими-то личными воспоминаниями, то ли, чтобы скрыть внезапно вывернувшуюся слезу.

Мистер Рок коротко вздохнул. Нужно было что-то ответить, чтобы не сидеть безмолвным истуканом, поэтому, скрывая мягкотелую расслабленность, он заметил голосом ровным и, как можно более безликим:

– Мне трудно судить об этом, господин Мебис. Я забыл всё, что касается лично меня, поэтому, понимая о чём вы говорите, не могу представить, что когда-то и сам это испытывал.

Глаза художника мгновенно раскупорились.

– Да, да! – воскликнул он. – Я, когда увидел вас во всём этом чёрном, сразу подумал, что вы, как чистый лист! Сравнение, конечно, странное, но верное. Интересно, это ваш прежний костюм, или вы уже здесь..?

– Или, – коротко пояснил мистер Рок. – Господин Струкроп посоветовал носить чёрное.

– Ах, этот, – сразу загрустил художник. – Струкроп ужасная гадина и знает только свои «от» и «до». Иногда, конечно, попадает в десятку, как с вами, например... Но всё равно, гадина!

Он ещё подлил себе вина из бутылки, уже изрядно опустевшей, потому что во время разговора господин Мебис то и дело подливал. Но этот последний бокал разморил его окончательно.

– Не слушайте меня, мистер Рок, – пробормотал он. – Собственное мнение всегда самое верное. Кто знает, может, в скором времени я покажусь вам гадиной, а Струкроп милейшим и умнейшим... Не слушайте, пока вы чистый, как холст! Но, когда начинают кроить и шивать, там уже поздно меняться, понимаете? Уже отрежут лишнее для них, а для вас самое, может,

необходимое! Или сошьют низ с верхом так, что и не захотите, а будете вынуждены... Вы вот тут слушайте!

Он с остервенением постучал себя по груди, потом поник, слабо грозя мистеру Року испачканным в краске пальцем.

– Сердце самое главное...

После этого Мебис затих совсем. Только повернул на мистера Рока мутный глаз, подозрительно покрасневший, то ли от вина, то ли от вызванного действием этого вина огорчением, и слабо причмокнул, как человек, всё проигравший. Снова беззлобно погрозил, потом вдруг выпрямил палец, как восклицательный знак. Его мохнатые брови многозначительно поднялись, и мистеру Року показалось, что сейчас художник скажет что-то особенно значимое. Но, нет! Красный глаз подёрнулся мутью, страшной тоской, и голова Мебиса нырнула в распущенные обмотки серого шарфа.

Судя по всему, на этом и монологу, и ужину пришёл конец.

Из кухни неслышно появилась Ленеоппа, сворачивающая свой передник. Она, не отрываясь, смотрела на Мебиса, и что-то в её взгляде на мгновение вдруг встревожило.

– Великолепный был ужин, – произнёс мистер Рок, чувствуя, что паузу надо чем-то заполнить. – Не знаю, как у вас тут заведено, но хотел бы в самое ближайшее время ответить господину Мебису таким же приятным вечером.

Сомлевший художник пьяненько закивал.

– Он завтра съезжает, – холодно заметила Ленеоппа.

– Да, знаю. Но разве я не смогу его пригласить?

– Можете, – ответила Ленеоппа таким тоном, каким обычно говорят «Посмотрим». – Идите отдыхать, мистер Рок. Хирона мы с Луиссом отведём в его комнату сами.

– Я тоже могу его проводить, – сказал мистер Рок, вставая.

– У нас так не заведено.

Ленеоппа вынула из ослабевшей руки художника бокал, а саму эту руку за ладонь осторожно перенесла на стол. Мебис тут же повалился на неё всклокоченной головой и, поелозив немного, затих. Свёрнутая набекрень бородёнка улеглась на край стола, как влитая.

– Идите отдыхать, мистер Рок, – повторила Ленеоппа. – Спокойной вам ночи.

И он ушёл.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОЖАЛУЙ, ТОЛЬКО СОМНЕНИЯ...

1.

Новое утро показалось выпавшемуся, наконец, мистеру Року ещё более приятным, чем предыдущее. Он уже не дёргал свой застрявший где-то мешок с памятью, а раскрыв глаза, просто подумал, что всё будет хорошо. Впереди ждал день. И город. И вкусная еда Ленеоппы... Сегодня он обязательно пройдёт по всем достопримечательностям и другим местам, не указанным в карте-путеводителе, о которых ему непременно расскажет добряк Луисс... Или расскажет Ленеоппа, если хозяин «Ахеи» снова станет юлить и прятать глаза из-за дурацких предубеждений.

И, может быть, в течение нового дня состоятся новые знакомства, приятные и полезные... Может, они даже напомнят о чём-то, что вынырнет из проклятого застрявшего мешка, или позволит, наконец, выдернуть его целиком...

Мистер Рок мечтательно потянулся. В конце концов, если память к нему вернётся, никто не говорил, что нужно в тот же самый момент покинуть гостеприимный Мидегод! Денег у него завались, можно и погостить немного! Погулять в своё удовольствие, расслабиться, провести пару вечеров за приятной беседой с вином...

Интересно, как там господин Мебис? Вчера, переодеваясь ко сну, мистер Рок слышал, как художника привели, но и только. Заснул он быстро, легко, в полнейшей тишине, если не считать тихого шороха за дверью, который означал, скорей всего, что Луисс с Ленеоппой Мебиса убавляли и теперь уходят к себе.

Надо будет через пару дней зайти, посмотреть его картины...

Мистер Рок ещё раз сладко потянулся, вспоминая вчерашний ужин, и вдруг почувствовал непонятную тревогу. Насторожившись от неприятного ощущения, он принялся перебирать свои же, только что передуманные мысли, чтобы понять, откуда взялась эта дурацкая тревога, и тут от его благости не осталось ни следа! Память, чёрт бы её подрал, выдала внезапный бонус к последнему монологу господина Мебиса в виде подсказки, что пьяные слова говорились не просто так, а с умыслом, за которым читалось явное намерение что-то мистеру Року рассказать!

Речью передать возникшее ощущение было сложно, но с отчётливой ясностью, которой до сегодняшнего утра не было и в помине, припомнилось вдруг, что с того момента, когда художник обозвал господина Струкропа гадиной, в его поведении и словах появилось напряжённое желание сказать больше того, что сказано! Вчера у мистера Рока ничего такого не появилось..., никаких подозрений! Но сегодня... Откуда что взялось?! Сейчас, одно за другим, в памяти выскакивали вспышками короткие мгновения ужина, который мог бы остаться чертовски приятным воспоминанием, не появись это назойливо тревожное беспокойство! Припомнился покрасневший глаз, и смотрел он уже не мутно, а с ожиданием, или надеждой на какое-то, хоть самое минимальное понимание! Поднятый, как восклицательный знак, палец. И слова...

Да! Слова! Их было много и не все понятные... Что, к примеру, означало это: «станут кроить..., шивать... отрежут лишнее по их мнению..?» Как ни напрягал мистер Рок свою девственно чистую память о прошлой жизни, он не мог вспомнить никаких ассоциаций, кроме самых прямолинейных о кройке и шитье, но они ничего не объясняли! И только противное тревожное чувство подсказывало, что слова эти были предупреждением.

Но о чём?! И почему тревожно стало только сегодня, да и то как-то смутно, словно на чистое и ясное воспоминание об ужине кто-то наложил тонкую кальку со зловещим силуэтом?

Или это взгляд Ленеоппы, всплывший в памяти вслед за глазами, пальцами и словами господина Мебиса?

Ну да, он и был тревожным... Просто вчера в сытой винной благодати из «застрявшего мешка» ничего не всплывало, а сегодня, на трезвую голову, случился очередной выброс ощущений.

Мистер Рок откинул одеяло и, морщась, сел. На кой чёрт ему эта память, если малейший её всплеск губит на корню чудесное утро?! Или это свойство натуры? Фантомная память, которая напоминает, что в прежней жизни он был склонен искать тревожное и подозрительное везде, где мерещилось, даже если там ничего и не было?! Хорош же он, в таком случае, был, как доктор! И не по этой ли причине его забросило в Мидегод, мэр которого страдал такой же ерундой? Мало ли что вчера наболтал этот пьяница! Спроси его сегодня, не вспомнит сам! А у Ленеоппы, может, голова болела, и в глазах была вовсе не тревога, а всего лишь болезненная мука!

Но сколько бы мистер Рок себя ни убеждал, отделаться от тревожного чувства так и не смог. Хотел, было, призвать на помощь хоть какое-нибудь логическое размышление, вроде того, которым вчера объяснил себе странное поведение Луисса, но стало только хуже. Воспоминание о том, как добрейший хозяин старательно отводил глаза и суетился, добавилось к утренней тревоге, словно средней руки козырь при карточном раскладе...

Тьфу ты, чёрт! А это ещё к чему припомнилось?! В смысле, откуда ему про карты-то знать?

Иг Рок...

Игрок?!

Неужели? Тогда почему на карточке было написано «доктор»?

Как доктор мистер Рок не помнил ничего. Как игрок в карты тоже, кроме вот этой странной мысли про «средней руки козырь...». Но про козырь – это уже что-то, а из медицины не всплывало даже такого! Кто же он, в конце концов?! Если игрок, то почему оказался здесь, где нужен доктор? А если доктор, то зачем он тут без самого необходимого, без медицинских знаний? Ведь при нынешнем раскладе даже банковский счёт был не так важен, как эти проклятые знания, с которыми можно было бы прийти к мэру и сказать: «Я тот, кого вы ждёте! Выкладываете, чем страдаете и кончайте уже этим страдать!» Тут бы ему и денег дали, и носились бы с ним не меньше...

На душе стало почему-то пусто и обидно, и припомнилось одно странное переживание, которое наверняка с ним когда-то было, потому что представить его, не пережив, невозможно никак! Это было ощущение полной слепоты, когда, как ни стараешься растопырить глаза, ничего, кроме глубокого мрака, не видишь. Сейчас он так же растопыривал «глаза» собственной памяти, но залетающие туда искры ощущений только усиливали абсолютный, бездонный, как космос, мрак! И это бы ещё ладно! С этим он бы вполне ужился, не сверли ему мозг дурацкое подозрение, что попал он сюда не случайно, и окружающие кое-что об этом знают!

2.

За завтраком, приветливая, как всегда, Ленеоппа сообщила, что вечером у мистера Рока будет уже новый сосед, но поселится он не в комнате художника Мебиса, а в люксе.

– У вас есть люкс? – удивился мистер Рок. – Где же он располагается?

Ленеоппа потыкала пальцем в потолок кухни.

– Там. Ваша комната и другая, под третьим номером, прямо над нами, а в стене, рядом с вашей дверью, если заметили, есть потайная дверца. За ней небольшой коридорчик и комнаты для особых гостей. С улицы к ним есть отдельный вход, как впрочем и сюда, в столовую, чтобы гости могли сохранить инкогнито при необходимости... Такое иногда бывает. Если захотите, вы сможете переехать туда после того, как господин Валеами съедет.

Мистер Рок наморщился и напряг память. Он уже слышал это имя вчера, и оно ассоциировалось с кем-то значительным.

– Это помощник мэра, – словно угадав его мысли, добавила Ленеоппа. – Затеял у себя в доме большой ремонт, и дело, видимо, дошло до личных апартаментов. Такое уже случалось, и мы с Луиссом рады, вам будет не так скучно у нас жить.

Она продолжила накрывать на стол, а мистер Рок подумал, что вчера воспринял бы новость, как самое обычное событие, и тоже бы обрадовался. Но проклятый тревожный зуд активизировался теперь на любую мелочь! В голове засвербело, что ремонт здесь вовсе не при чём, и помощник мэра переселяется в отель ради мистера Рока, из-за чего, верно, и бедолагу Мебиса быстренько выпроводили, чтобы под ногами не путался. И всё это, наверняка, является прелюдией к появлению перед мэром, или вообще сделано по его указанию, чтобы, как сказала вчера Ленеоппа, составить сначала общественное мнение!

Мистер Рок сурово сдвинул брови. Руки женщины расстилали перед ним вышитую салфетку, на которой ласковые птицы с красиво выгнутыми шеями склонялись над гнёздами из цветов. Интересно, что о его появлении в Мидегоде может знать Ленеоппа? Она, в сущности, очень добра и ему, скорее, друг, но, кто её знает? У него не осталось никакого памятного опыта в общении с людьми..., точнее, в знании их природы, так что, предполагать можно всякое...

Может, спросить её напрямую?

Однако, если он ошибается, если никакого заговора против него нет, либо она ничего об этом не знает, может получиться очень, очень глупо! И ещё глупее, если всё есть, и она всё знает, но не имеет права говорить! Тут уж он, мало того, что ничего не выяснит, так ещё и насторожит против себя окружающих с их чёртовым общественным мнением!

Нет, дудки!

«Держитесь отстранённо..., смотрите на всё, как в кино...»

Хороший совет от хорошей Ленеоппы! Пожалуй, так и следует поступить, только быть всё время настороже и внимательно наблюдать за действиями вокруг себя. И, кстати, с деньгами поаккуратнее... Кто знает, может этот портфель единственное, что у него есть, и хорошо если останется до самого конца...

До конца...

Кого? Чего? Или чьего? Никакой ясности, и от этого свихнуться можно!

– Я тоже рад компании, – проговорил мистер Рок, не отрывая взгляд от салфетки. – Хорошо бы и господин..., э-э, Валеами не обременился моим обществом.

Ленеоппа поставила тарелку с помидорами и чудесным сыром прямо на шеи птиц и пожалала плечами.

– Господина Валеами нельзя упрекнуть в замкнутости, но и открытым человеком не назовёшь. Прошлый раз, когда он у нас гостил, мы даже парой слов не перекинулись. С вами, скорее всего, будет иначе. Он помощник мэра, а вы доктор, даже если ничего не помните... С вами он будет говорить, не сомневайтесь.

Ленеоппа провела рукой по скатерти на столе, расправляя ей одной видимую складку, и ушла.

Глядя ей вслед, мистер Рок подумал, что при иных обстоятельствах обязательно предложил бы чете Сойедисов как-то объединиться – вместе завтракать, обедать и ужинать, и был уверен, что, опять же, при иных обстоятельствах, добрейшие хозяева такому предложению обрадовались бы. Но... Не теперь... Со вчерашнего вечера оба упрямо держали дистанцию, и вряд ли потому, что он оказался богат.

Мистер Рок вздохнул. Жаль. Безмятежность беспамятного существования показалась ему теперь величайшим из благ!

Он взял вилку и проткнул ею крепкую помидорную дольку.

3.

Как бы там ни было, а завтрак оказался вкуснейшим и настроение слегка исправил!

Мистер Рок искренне поблагодарил Ленеоппу, поднялся к себе, взял пальто, перчатки и шляпу, часть денег из портфеля и карту, после чего пошёл вниз искать господина Сойедиса, чтобы выяснить, какой маршрут ему выбрать для первой прогулки по Мидегоду.

На подходе к гостиной, в первый момент показалось, что там собралась целая толпа, которая беспорядочно о чём-то спорила, и мистер Рок даже шаги замедлил, прислушиваясь. Однако, толком разобрать ничего не удалось, потому что кричали все ужасно, но одновременно, друг друга совершенно не слушая. Тогда он вошёл, осмотрелся и даже присвистнул от удивления. Комната была пуста! Кроме Луисса, который возился за своей конторкой с каким-то странным предметом, никого не было, а весь шум шёл из большой плазменной панели, висевшей на стене. До сих пор, в присутствии мистера Рока, она никем не включалась, поэтому такая обыденная вещь, как телевидение, в памяти не всплывала. Зато теперь сразу вспомнилось всё – и новости, и биржевые сводки, и политические дебаты, (один из которых, как раз, транслировался), и кино, и реклама, и даже «канал для взрослых», Хотя, и этот последний, и все остальные вспомнились, скорее, как понятие, без нюансов!

– А, здравствуйте, мистер Рок! – воскликнул Луисс, заметив стоящего перед плазмой гостя. – Простите, не сразу услышал ваши шаги, всё это так ужасно шумит!

Он махнул головой в сторону экрана, на котором целая свора прилично одетых мужчин и несколько скучно одетых женщин, одновременно что-то кричали друг другу.

– Здравствуй, Луисс, – ответил мистер Рок. – Это какое-то шоу?

– Шоу, да. Это вы верно заметили.

Хозяин отеля выбрался из-за стойки, на ходу вытирая руки давно списанным из кухни полотенцем.

– Уж как кричат, мистер Рок! Любо-дорого послушать.

– Неужели вы что-то разбираете?

– Ни слова, мистер Рок! Потому и говорю, любо-дорого. Не так нервно. Начни я разбирать, о чём эти люди кричат, ещё, пожалуй, расстроился бы.

– Так переключите!

– Ну..., не знаю...

Луисс пошарил вокруг себя глазами, нашёл лежащий в кресле пульт, взял его и, не самым удачным образом скрывая огорчение, спросил:

– Какой канал вы хотите, мистер Рок?

В этот момент на экране вдруг всё стихло. Камера взяла крупный план худощавого мужчины, одетого лучше других и сидевшего с видом расслабленным и даже немного скучающим. Так мог бы сидеть в курятнике сытый леопард, которому достаточно облизнуться, чтобы остальные испуганно притихли по углам. Мужчина заговорил негромко, но внятно, слегка приподняв холёную кисть с сцепленными в кольцо большим и указательным пальцами. Периодически он взмахивал ей, как дирижер перед оркестром, отмеряя паузы и значимые места в своей речи, на которые присутствующим предлагалось обратить особое внимание.

Мистер Рок не столько заслушался, сколько засмотрелся, хотя и речь мужчины, судя по всему, была очень толковой, потому что все, даже скучно одетые женщины, согласно кивали в такт его взмахам.

– Первейшая задача, господа, это не оставить ни единого шанса на возрождение режима, который был свергнут. Как бы ни была сильна оппозиция, или, простите, уже правящая партия, она имеет свои слабые места, которые рано или поздно будут найдены и учтены. Понадобится не одно десятилетие жёсткого террора, чтобы прополоть тот заросший огород, который вы получили, но даже в этом случае нельзя гарантировать полное отсутствие у пришедших к власти той ахиллесовой пяты, в которую они когда-нибудь получат смертельный удар...

Луисс, слушавший так же заворожённо, как и мистер Рок, при этих словах огорчённо поцокал языком.

– Так, какой канал вам включить? – спросил он ещё раз.

– А? Что? – словно очнулся мистер Рок. – Нет, мне ничего не надо...

Он смотрел и слушал с внутренним беспокойством человека, который вышел из дома с ощущением чего-то забытого, или не выключенного. Нельзя сказать, что в нём сразу проявилась забытая причастность к каким-либо политическим делам, но слова «правлящая партия», «террор», «режим» и всё такое, вдруг подняли вокруг затонувшего мешка памяти некоторую муть узнавания. «Может, я и правда был дипломатом?», – промелькнуло в голове мистера Рока. Но.., вот именно, промелькнуло! Потому что, во-первых, как дипломат он здесь, в Мидегоде, никому не нужен, а во-вторых, существовала чёртова карточка, на которой чёрным по белому было прописано: «доктор»!

– Скажите, Луисс, – произнёс он, – а что вообще в мире происходит? Где-то какой-то переворот?

Луисс флегматично пожал плечами в ответ.

– Понятия не имею, мистер Рок. Каждый день какие-то волнения, смуты, недовольства. Я смотрю всё это исключительно для пищеварения, потому что среди всеобщего большого мира так приятно осознавать, что ничто из этого тебя не касается и никогда больше не коснётся.

В голове мистера Рока всплыла некая фраза, которая показалась очень уместной сейчас.

– Никогда не говорите «никогда», дорогой Луисс, – сказал он назидательно.

Но хозяин отеля только засмеялся и отрицательно покачал головой.

– Это не про меня, мистер Рок. И не про наш Мидегод. Здесь слишком много денег и людей, которые знают цену власти, чтобы у кого-то, хоть на мгновение, хоть скуки ради, возникла мысль о возмущении, или, того хуже, перевороте! И даже если весь мир погрязнет в хаосе, мы будем жить, как жили, потому что тогда у нас будет ещё больше денег и люди с уже реальной властью.

Он посмотрел прямо в глаза мистеру Року, явно не опасаясь, что сейчас последуют какие-то уточняющие и, возможно, не самые удобные вопросы. И был прав! Как ни старался мистер Рок прояснить для себя убеждённость Луисса, что жизнь Мидегода и его обитателей навеки застрахована от волнений, он так и не смог придумать ни вопросов, ни даже замечаний-примеров, которые могли бы эту убеждённость поколебать.

Немного ещё потоптавшись перед телевизором, где ведущий со скорбным лицом пророка взялся подводить итоги дискуссии, мистер Рок вытащил из кармана пиджака карту и протянул её Луиссу.

– Хотел узнать у вас, куда лучше всего пойти? А заодно выяснить, где живёт господин Мебис. Он звал меня посмотреть картины, и я бы хотел воспользоваться приглашением.

При этих словах мистер Рок не отводил глаз от лица Луисса, чтобы не пропустить на нём никаких эмоций. Если утренние подозрения верны, то должно появиться удивление, недовольство, и к Мебису его под каким-нибудь предлогом, скорей всего, не пустят. Но Луисс не выказал ничего, кроме оживления, совершенно обычного для жителя, которого спросили о городских достопримечательностях. Ещё раз обтерев руки, он взял карту и поманил мистера Рока за собой.

– Идёмте к стойке, у меня там ручка, я отмечу ей дом Хирона.

Мистер Рок подошёл и увидел, что предмет, с которым хозяин отеля возился до его прихода, был грубо обработанной болванкой под корпус какого-то корабля.

– Это моё давнее увлечение, – перехватил его взгляд Луисс. – Люблю мастерить корабли в свободное время... Приятно, знаете ли, и мозг занят, и руки.

Он полез в конторку за ручкой, а мистер Рок невольно осмотрелся.

– Нет, нет, – снова догадался о причине осмотра Луисс, – здесь я свои поделки не держу. Один только оставил, но он у нас с Ленеоппой в комнате. Остальные дарю всем, кто пожелает. Этот, если хотите, сделаю для вас.

– Я могу купить! – сказал мистер Рок.

И тут же прикусил язык: ведь дал же себе слово без нужды деньгами не сорить!

Но Луисс, не глядя на него, покачал головой.

– Я свои корабли не продаю, мистер Рок...

И, сделав приглашающий жест, склонился над картой.

– Вот, смотрите, от нашего отеля по этой улочке можно выйти к дому Мебиса самой короткой дорогой. Но, коль уж вы хотите ещё и посмотреть что-нибудь, то лучше всего вам идти вот так..., – он прочертил ручкой линию, которая петлёй обогнула площадь с домом господина Тиффо, захватив при этом почти все магазины и достопримечательности, которые предлагала карта, кроме колодца, как ни странно. Но, мистер Рок подумал, возможно, эта городская постройка была столь обязательна для посещения, что превратилась в некое то, что память туманно обозначила: «по умолчанию»

– А церковь? – спросил он, заметив, что нарисованная линия, не то, что не обогнула, но будто бы старательно отдалилась от домика с крестом.

– Она сразу за углом нашего квартала, – сухо ответил Луисс, закрывая ручку. – Хотелось бы сказать, что туда лучше не ходить, но, если хотите... Здание старое и красивое, однако не могу обещать, что там вам будут рады. Падре Сала не самый приветливый человек. По мне, так нет ничего приятнее, чем сразу пойти в бар «Людские страсти» – я его пометил вот этим кружком – там господин Деказорье окажет вам такой приём, какой вы не забудете, даже если доведётся когда-нибудь снова потерять память!

Луисс добродушно рассмеялся, а мистер Рок забрал карту.

На экране телевизора под весёлую музыку бодро прыгала какая-то девочка с коробкой леденцов. Мама и папа, со сладкими улыбками, тянули руки к этой коробке, но оттуда выскакивал красный леденец со щитом и копьём, отгонял их, а потом тыкал копьём в надпись «Только для детей». Мама и папа фальшиво кручинились, но им в руки тут же падала совсем уж огромная коробка, из которой вылезал леденец жёлтый и фломастером, (нелогично фиолетовым), писал на коробке: «Для родителей». Мама с папой умильно переглядывались, как вчерашние девицы в магазине господина Струкропа, брали коробку за бока, рядом к ним пристраивалась с красным леденцом и своей коробкой девочка, и все вместе начинали что-то петь под весёлую музыку, которая, мгновенно намертво застряла в голове мистера Рока.

Он благодарно кивнул Луиссу, насвистывая пошёл к двери, тот кивнул в ответ, подождал, пока гость выйдет, и снова склонился над своим кораблём.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. О ВРЕДЕ И ПОЛЬЗЕ ТОГО, ЧТО НАЗЫВАЮТ «НАПЕРЕКОР»

1.

Конечно же мистер Рок сразу пошёл к церкви, рассудив, что для визитов время сейчас неподходящее. Мебис наверняка спит после вчерашнего. (За завтраком его столик был пуст, значит, либо ещё не вставал, либо уже выпровожен ради спокойствия нового постояльца). А в бар лучше всего заглянуть после прогулки, выпить аперитив.

Из денежного портфеля, (который, скрепя сердце и самого себя стыдясь, он засунул поглубже в шкаф), мистер Рок вытащил несколько бумажек разного достоинства и, рассовывая их по карманам, решил присмотреть по дороге магазин, где обязательно нужно купить кошелёк. Снова идти к Струкропу не хотелось. Раз дал себе слово экономить, то так и надо поступить, даже рискуя потерять репутацию «человека со вкусом», тем более, что вкус этот целиком принадлежит тому же Струкропу! «Сам решу, какой кошелёк мне нужен!», – сердито подумал мистер Рок, решительно сворачивая на улочку, что вела к церкви.

Вчерашняя собака смирно сидела на противоположной стороне. Накануне она показалась совсем чёрной, но сегодня удалось рассмотреть, что морда у собаки рыжая, бока тёмно-шоколадные, а чёрные только лапы, полоса вдоль спины и хвост. Мистер Рок свистнул ей, но собака не шелохнулась. «Ну и сиди себе», – обиделся мистер Рок.

Он шёл, удивляясь тому, что вчера улочка показалась маленькой и короткой, а сейчас она будто бы вдвое удлинилась и раздалась вширь. Да и приближающаяся церковь превратилась вдруг в настоящий собор с широким готическим порталом. Мистер Рок с интересом осмотрел каменные фигуры над ним, медленно, но верно вытягивая из затонувшей памяти всё, маломальски связанное с религией и архитектурой подобных зданий. Вытащилось немного, и оно мало что объясняло. К примеру, было совершенно непонятно, почему фигур было четыре, но располагались они не симметрично, по обе стороны от входа, или, хотя бы, в ряд над ним, а следующим, странным образом: одна, более крупная, справа, а три, помельче, слева. Крупная фигура изображала монаха. Из мелких же одна напоминала горожанина, другая, вроде бы римлянина, а третья явно была рыцарем в доспехах. Все фигуры стояли в героических позах, но охваченные пламенем, и эта символика мистеру Року тоже ничего не сказала, кроме припущенного за уши предположения, что языки огня могут означать пламенную веру. Надписей никаких, если не считать привинченной к старому камню таблички, которая типографским шрифтом сообщала, что каяться следует приходиться по четвергам к часу дня.

Мистер Рок потёр переносицу. Даже если сегодня был четверг, то уж никак не час дня, да и каяться ему пока не в чем, кроме ненужной подозрительности и опасений. Правда, никак не удавалось вспомнить, считалось ли это грехом в той прежней жизни, которой он когда-то жил, но, в любом случае, визит в церковь был всего лишь ознакомительным, вне зависимости от душевных тягот, поэтому, с грехами, или без них, он войдёт хотя бы за тем, чтобы засвидетельствовать почтение падре..., как там его? А! Сала!

Мистер Рок потянул за большое медное кольцо на двери.

Из открывшегося сумрака блеснул позолотой орнамент на стенке исповедальни, потом показались пёстрые стёкла витражей. Мистер Рок шагнул внутрь и снова удивился. Здесь не было ожидаемого простора. Довольно скромное помещение подходило, скорее, той церковке, которая померещилась тут вчера! Неглубокие нефы, довольно приземистый алтарь, витражи красивые, но в короткой памяти мистера Рока, как давний, смутный сон, переливались солнечными бликами виденные когда-то высоченные окна в три и пять арок! Не было и органа – этой вязанки флейт с клапанами, разинутыми, словно рты певчих... И хора для пев-

чих тоже не было, хотя внешний облик собора предполагал совсем иной внутренний масштаб и убранство более богатое.

Тем не менее от входа до алтаря было вовсе не рукой подать. Лампадка, горевшая в пресвитории возле святых даров, света давала немного, из-за чего нефы таинственно тонули в темноте. И почти сразу после того, как мистер Рок вошёл, именно оттуда, из этой темноты, послышались шаркающие шаги и неторопливо поползла чья-то коренастая тень.

– Полагаю, вы тот самый господин со странным именем? – произнёс густой баритон, настолько звучный и тяжёлый, что не вызвал даже эхо, обычное в подобных помещениях.

Шаги затихли возле самой границы света. Видимо, падре Сала, (а больше быть здесь было некому), хотел сначала рассмотреть гостя, а уж потом показываться самому. И мистер Рок, почти физически ощущал взгляд, которым его изучали, чувствуя себя при этом не очень уютно.

– Меня зовут Игрек Рок, – сказал он.

– Вы весь чёрный, – вместо приветствия заметил падре

Он постоял ещё немного в невидимости, потом пробормотал что-то на незнакомом мистеру Року языке и, наконец, вышел на свет.

Коренастый до квадратности, почти лысый, падре Сала был именно таким, каким мистер Рок его себе мысленно нарисовал. Серое лицо с обвислыми щеками и подглазьями, точки зрачков в белёсой от постоянного сумрака радужке, рот, подобранный в узкую прямую щель и обещающее неприветливое выражение лица. Руки падре тонули в широких рукавах грубой сутаны, подпоясанной верёвкой, а с круглой головы свисали завязки шапочки, название которой вертелось где-то около сознания мистера Рока, но в слово никак не оформлялось, потому что вместо него упрямо вылезала какая-то «камилавка», а это было что-то не то...

Больше всего поражали синие от холода босые ступни падре. Они, верно, примёрзли бы к полу, не будь на них надеты кожаные сандалии с толстой подошвой, но, судя по виду, полного обморожения оставалось ждать недолго.

– Я зашёл засвидетельствовать своё почтение, – сказал мистер Рок в некотором замешательстве, потому что не знал, как реагировать на последнее замечание падре.

– Ну, зашли, так зашли, – ответил тот и протянул руку. – Я отец Ронавол Сала.

Пожимая эту ледяную и твёрдую, как камень руку, мистер Рок спрашивал себя, не должен ли он её поцеловать? Но лицо падре оставалось бесстрастным, поэтому, на всякий случай, гость растянул широченную улыбку и самым любезным тоном произнёс:

– Очень, очень рад!

– Не думаю, что вы рады, – тут же отвечал священник, снова пряча руку под грубую шерсть сутаны. – Вам бы следовало быть здесь уже вчера, чтобы благодарить о счастливом спасении и беспамятстве, которое унесло в небытие вашу прошлую, наверняка греховную, жизнь! Молить о разуме, коим будете осмысливать то, что внове напишется в чистой книге вашей судьбы! Но нет! Куда вы, мистер, пошли вчера первым делом? За презренным золотом! За роскошью и суестью! За новым, ещё большим тщеславием! А там недолго и до нового распутства, пьянства и блуда!

Падре сверкнул глазами, вскинул вверх руку с предостерегающе вздетым указательным пальцем, багровым и немного корявым от холода. Рукав сутаны при этом откинулся, обнажив руку до локтя. Рука оказалась густо волосатой.

– Каждый устраивает свою жизнь, как может, – заметил мистер Рок, еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться.

Ему вдруг пришло на ум, что падре ходит зимой в одной лишь сутане потому, что при такой шерсти на теле, ему не холодно так же, как не холодно какому-нибудь животному.

Но отец Сала будто услышал его мысли. Откровенно рассвирепев, он перевёл указующий перст на дверь и почти закричал:

– Тогда идите отсюда вон, мистер! Я свою жизнь уже устроил, и в ней нет места для таких, как вы! Идите, транжирьте дарованную вам благодать! Подражайте свиньям, что развозят навоз в хлевах своих и топчут в нём бисер и перлы! Идите, идите! Но помните, когда настанет великий четверг для всех грешников, не вопрошайте меня: «Где свет, отец Сала?», ибо глаза свои вы могли раскрыть, но предпочли зажмурить ещё больше!

С этими словами падре развернулся и исчез во мраке церкви так стремительно, что мистер Рок не успел даже удивиться. Несколько мгновений он ещё простоял с улыбкой на лице, потом догадался удивлённо приподнять брови, но этого уже никто не увидел.

Чувствуя себя до ужаса глупо, мистер Рок нерешительно повернулся к дверям. Визит оказался неудачным и крайне обидным. Надо было бы, наверное, с самого начала послушать старину Луисса, который не советовал сюда ходить, а теперь, что ж... Теперь срочно требовалось как-то загладить неприятное впечатление. Пойти куда-нибудь, где ему будут рады, или хотя бы не станут гнать... И, вероятно, лучше места, чем бар господина Деказорье ему не найти... Да, так и надо поступить, и не стоять тут больше, пока суровый падре не придумал, чем ещё может его пристыдить!

Мистер Рок двинулся было к двери и тут чуть не вскрикнул!

Из-за приоткрытой створки на него смотрело лицо взволнованного незнакомца, который изо всех сил прижимал палец к губам!

2.

– Сюда, сюда, скорее! – зашептал незнакомец, почти выхватывая мистера Рока из дверей церкви и таща за собой.

Это был человек в мешковатом пальто с огромным меховым воротником. Высокий, с очень прямой спиной и густой шевелюрой, которая, видимо, заменяла ему шапку с тем же успехом, с каким шерстяная поросль на теле падре Сала заменяла тому тёплое бельё. Мистеру Року он почудился каким-то щуплым великаном. Основательные складки на гладко выбритых щеках выглядели, правда, ласковыми и ужасно домашними, что немного успокоило, но действия незнакомца всё равно пугали и настораживали!

Быстро, деловито, не давая опомниться, мужчина затащил Рока за угол, где грубо втолкнул в нишу между двумя щербатыми колоннами.

– Простите! – прошептал скороговоркой, – никак нельзя, чтобы нас увидели вместе, поэтому я позволил себе вот так..., бесцеремонно...

Движением черепахи, высовывающей голову из панциря он выглянул из ниши, посмотрел в сторону улицы, по которой мистер Рок сюда пришёл, и выдохнул:

– Я доктор Лаенг, мистер Рок. Настоятельно хочу с вами поговорить, но так, чтобы нас никто не заметил! Уверен, вы поймёте и простите... Господин Сойедис ведь рассказал вам о нашей проблеме с мэром... Ведь рассказал, да?

– Рассказал. – Мистер Рок немного отодвинулся от стены, уверенный, что пальто на спине испачкано. – Но, скажу вам честно, доктор, проблема показалась мне немного..., м-мм, притянутой за уши, и я не совсем понимаю...

– Она и притянута! – перебил доктор.

Он нервно передёрнул плечами и начал рыться в карманах с озабоченностью человека, потерявшего то, что сейчас было крайне необходимо.

– Наш мэр всегда относился ко мне, как к неудачнику, который не умеет пользоваться тем, что имеет... Хотя сюда я попал по его настоящему требованию, и под тем соусом, что лучше доктора он не знает! Сами понимаете, коллега, после такого... Да где же она, в конце концов!?... А! Вот! Нашёл! Это мой адрес, мистер Рок, и подробное описание пути, который выводит к чёрному ходу моей лаборатории. Приходите через пару дней, или, когда там вас

оставят без внимания... Надо, чтобы никто не увидел и не хватился, понимаете? Там поговорим спокойно, и я всё объясню...

Лаенг вытащил из глубин своего пальто лист изрядно помятой бумаги, хотел было сунуть её мистеру Року, и тут увидел в его руке карту.

– О! Так даже лучше! – воскликнул он. – Дайте сюда, я ещё и нарисую!..

Ручка в недрах пальто отыскалась быстрее, чем бумажка с адресом. Доктор Лаенг на мгновение замер, рассматривая линию, прочерченную Луиссом, потом нетерпеливо дёрнул плечом, словно спрашивая: «Это тут зачем?» привалился к одной из колонн и, пристроив карту на согнутое колено принялся рисовать линию свою. Делал он это короткими штришками, то и дело приподнимая руку и сверяясь с названиями улиц. Наконец, пробормотав: «Вся эта топография для меня тёмный лес», поставил короткую стрелочку, указующую на маленький домик в лабиринте других таких же, и постучал по ней пальцем.

– Здесь не видно, как лучше заходить, но я всё описал в записке, так что не заблудитесь! И обязательно, обязательно приходите!

С этими словами доктор, совершенно не прощаясь, прихлопнул карту собеседнику на грудь, выскользнул из ниши в сторону, противоположную той, куда собирался идти мистер Рок, и пропал. Ещё какие-то несколько мгновений слышался торопливый скрип его шагов, потом не осталось и этого.

Мистер Рок озадаченно посмотрел на карту, которую успел подхватить одной рукой, на записку, зажатую в другой, покачал ими, словно взвешивая и твёрдо произнёс:

– Вот теперь только в бар!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ДЕНЬ ПОЛНЫЙ ВСТРЕЧ!

1.

До «Людских страстей» идти оказалось, не то, чтобы далеко, но долго, виной чему были два обстоятельства.

Во-первых, по пути встретила ещё одна достопримечательность Мидеграда – старый колодец. Трудно сказать, что такого достопримечательного было в каменном круге над глубокой дырой, особенно, если учесть, что воды там, похоже, не было с момента постройки, (или прокопки? Как правильно мистер Рок не помнил), но обустроена «гордость города», как говорилось в карте, была по всем правилам. Фундаментальное ограждение из восьми столбиков и протянутых между ними цепями преграждало путь любопытствующим, предлагая им любоваться колодцем с почтительного расстояния, что, конечно же, сразу возводило его в ранг достопримечательностей охраняемых, а это уже само по себе внушает уважение и заставляет думать о какой-то скрытой ценности.

Мистер Рок послушно, хотя и немного демонстративно, постоял перед ограждением несколько минут. Потом решил, что дань уважения непонятному отдал с лихвой и пошёл дальше с удовлетворением отмечая внутри себя, как возвращаются уверенность и безмятежность, пусть даже и относительная.

А во-вторых путь удлинило то обстоятельство, что на улицах ему встречались люди. Одни приветствовали сдержано, другие расплывались в улыбках, третьи просто смотрели с дружелюбным интересом, но никто не прошёл мимо, не выказав никаких знаков внимания. Мистер Рок заметил, что пара солидных дам и несколько, пусть и не юных, но ещё и не солидных, подарили ему ласкающие сердце взгляды, чем подтвердили правоту слов господина Струкропа о притягательности чёрного.

Хотя, при чём тут Струкроп, в конце концов?!

Мистеру Року никто не мешал в уединении собственных мыслей считать, что причина заинтересованных дамских взглядов кроется вовсе не в его одежде! Он любезно отвечал на все мужские приветствия, слегка прикасаясь пальцами к полям шляпы, а дамам и вовсе кланялся. И, чем дальше шёл, тем уверенней себя ощущал на этих милых, ухоженных улицах, среди таких же милых, приветливых людей.

Естественно, подобное состояние духа не могло не понравиться, и оно понравилось настолько, что мистер Рок сделал лишний круг по площади с остановками возле всех витрин, где не столько рассматривал выложенные в них товары, сколько проверял в отражениях хорошо ли выглядит сам и смотрят ли на него, когда не смотрит он. И, только собрав все, какие можно приветствия и взгляды, свернул, наконец, на улицу, которая вела к бару «Людские страсти», затратив таким образом на дорогу времени вдвое больше, чем требовалось.

2.

Что и говорить, бар был обустроен на славу! Чего стоили одни стеклянные двери, все в звёздах, ювелирно выгравированных так, что дверь сияла, как хрустальный бокал! А были ещё и вечно зелёные деревца при входе, и львиные морды в обрамлении солнечных лучей, и позолота..., не такая, конечно, обильная и аляповатая, как в банке у господина Дорша, но при хорошем солнце ослепить могла и она!

Вообще, кулинарному заведению господина Деказорье больше бы подошло называться рестораном, каковым он, видимо, изначально и являлся, и, что заставило местных жителей называть роскошное заведение малопочтенным словом «бар», оставалось неясным. Но, раз назвали, значит причины были. Может, для полноты счастья, всем обосновавшимся здесь богатым не хватало простоты в названиях? Кто знает... Должно же и богатым чего-то не хватать.

Мистер Рок одобрительно осмотрел хорошенький домик в три этажа с изящными ажурными решётками по бельэтажу. Большие окна внизу были призывно задрапированы шторами ровно настолько, чтобы не лишать уюта тех, кто уже внутри, но и дать возможность рассмотреть этот уют тем, кто пока снаружи.

Слов нет! Зайти захотелось сразу, и мистер Рок, ничуть не колеблясь, толкнул дверь в одну из львиных морд, и колокольчик, висящий внутри, возвестил о его приходе с чудесной мелодичностью.

– Ах! Ах! Посмотрите, господа, кто пришёл! – тут же завопил высокий полный мужчина во фраке, который до этого мило беседовал с тремя почтенными господами за круглым столиком, заставленным тарелками и бокалами. – Это же он! Знаменитый мистер Рок, о котором меня только ленивый не спросил! Как мило, как мило!.. Мы ожидали вас ещё вчера!

Ловко маневрируя между столиками округлыми боками, мужчина буквально подпорхнул к мистеру Року и, охнув от восторга при виде протянутой руки, почтительно её принял и тут же принялся трясти.

– Рад! Бесконечно рад, дорогой мой! Позвольте представиться, я хозяин всего этого, известный в Мидегоде каждому, Балон Деказорье! И прошу вас безо всяких «господ»! Меня здесь называют просто: «любезный Балон!», или «милейший Деказорье!». И они правы, потому что я для всех и любезный и милейший! В том смысле, что с каждым мил и любезен! А вы можете придумать и собственное обращение, пусть даже и «нахальный Деказорье», потому что к вам у меня совершенно особенное чувство! Называется оно «Безумный Интерес» и, да, граничит с нахальством, но оправданным, мистер Рок, абсолютно оправданным, ибо готов его немедленно искупить!

Господин Деказорье, не умолкая ни на минуту, и, продолжая трясти руку, ухитрился за время своего монолога протащить гостя через весь зал к маленькому столику на двоих, где уже стояли с самыми приветливыми улыбками официант и сомилье. Все присутствующие в зале побросали есть, или разносить еду и провожали мистера Рока любопытными взглядами. Однако, после прогулки, вернувшей душевное равновесие, он уже не чувствовал себя стеснённо, или неловко. Даже утренняя тревожность куда-то исчезла! Поэтому, ответив всем сдержанно-приветливым взглядом мистер Рок весьма уверенно сел за столик, предложив место напротив себя господину Деказорье.

– О, мистер Рок, как это мило! – возопил ресторатор и, растопырив руки, поклонился, сначала дорогому гостю, а потом и всем присутствующим.

В ответ за каждым столиком захлопали, одобрительно закивали и вернулись к своим тарелкам. А господин Деказорье, подбросив, как пианист, фалды своего фрака, опустился на стул и коротко прищёлкнул пальцами. Официант тут же исчез, а сомилье осведомился: «Бургундское?» и, получив в ответ: «Разумеется, какое же ещё?!», с достоинством двинулся к барной стойке.

– Сегодня я вас угощаю, дорогой мистер Рок, – сообщил Деказорье интимным шёпотом. – Поэтому обойдёмся без меню и прочих условностей, да? Кому, как не владельцу заведения знать, что у него самое лучшее, правда?

Он откинулся на спинку стула и так громко захохотал, что мистеру Року показалось, будто весь воздух вокруг него заколыхался. Но ресторатор быстро успокоился, аппетитно почмокал, потом вздохнул и почти печально погладил себя по животу.

– Я, как можно догадаться, поесть люблю и толк в еде знаю, так что, не сомневайтесь, после моего угощения вы оближете каждый свой пальчик!

Свои, пухлые и румяные, он тут же сложил щепоткой, поднёс к губам и ещё раз сочно чмокнул. Потом распустил, словно цветок, весело заморгал на гостя и снова захохотал.

Мистер Рок посмотрел вокруг.

– Я шёл в бар, а оказался в изысканном ресторане... Рад, что обманулся. Но, скажите, любезный Деказорье, это какая-то уловка с вашей стороны, назвать ресторан баром?

Ресторатор, который при первых же словах гостя мгновенно стал серьёзен и весь обратился в слух, неопределённо приподнял брови.

– Уловка? – переспросил он с таким видом, словно только теперь задумался о несоответствии своего заведения с названием. – А знаете, в этом что-то есть! Да, да, определённо, это ужасно интересная мысль!.. Но, нет, к сожалению, ничего такого я не думал. Какая, в принципе, разница, бар, или ресторан? В своё время, мистер Рок, я перебивал в таком количестве ресторанов и баров, что перестал видеть между ними различия. И там, и там люди общаются и выпивают, выпивают и общаются, только в ресторане ещё и хорошо закусывают, но не называть же всё это, – он широко повёл руками, – столовой, правда? А ресторан, для нашего маленького городка, название слишком обязывающее, в нём нет той доверительности и домашности, если так можно выразиться, к каковой мы все тут стремимся. Вот, произнесите сами: «Пойдём в ресторан». А! Как звучит? Как выход в свет, на торжество, на мероприятие.., то есть, в известном смысле обязаловка, и в поведении, и в одежде. Скучно и не всегда хочется. Особенно для людей, пресыщенных всем этим в той, прошлой жизни, от которой многие сюда сбежали... Но попробуйте теперь сказать: «Пошли в бар». Это же другое дело! По-свойски, по-простому! Хоть в шлёпанцах, хоть в халате! И удовольствия куда больше, правда?

Мистер Рок ещё раз осмотрелся.

Вокруг чинно сидели хорошо одетые люди. Дамы держали спину, мужчины – выражение лица. Меню они раскрывали, как книгу почётных гостей, в которой их попросили расписаться, а делание заказа напоминало церемониал. Но, вместе с тем, что-то «домашнее», действительно, витало в атмосфере этого бара-расторана. И мистер Рок, который испытал короткий испуг, когда, усаживаясь за столик, увидел стальной ряд вилок с одной стороны и несколько ножей с другой, поймал себя на мысли, что здесь, пожалуй, никто не заметит, какую вилку он возьмёт, лишь бы на лице оставалось выражение благопристойнойнепринуждённости.

Это понравилось. Поэтому он кивнул и искренне ответил:

– Правда.

Господин Деказорье ожидаемым хохотом не разразился, но внимательно посмотрел на мистера Рока.

– Скажите, а вы на самом деле ничего не помните? – спросил он внезапно.

– О себе ничего, – ответил мистер Рок.

– Но ваши чувства! Разве они ничего не подсказывают?

– Нет.

– А мысли? Или, может быть, сны? Вы видите сны, мистер Рок?

– Нет.

– Ах, как жаль!

Деказорье откинулся на спинку стула с откровенным сочувствием на лице.

– Вам бы, сударь мой, к хорошему психологу обратиться. Но у нас такие не водятся, ибо в этом смысле мы все абсолютно здоровы.

– А ваш доктор.., Лаенг, кажется? Он в психологии не сведущ?

Ресторатор усмехнулся куда-то внутрь себя и туда же задумчиво пробормотал:

– Ну, в крайнем случае, можно и к нему...

В этот момент нервно и коротко брякнул колокольчик. Дверь в зал распахнулась, и на пороге вниманию всех обернувшихся предстала дама со злым лицом и растрёпанными пегими волосами. Она издала невнятный вопль, словно крикнула болотная птица, обвела зал полными ненависти глазами и швырнула к потолку толстую стопку небольших листов бумаги. Листки салютом разлетелись, а когда осели, злой дамы на пороге уже не было, только

слабо брякнул несчастный колокольчик, застрявший от первого удара дверью между ажурными завитками своего же кронштейна.

Господин Деказорье уныло вздохнул, щёлкнул пальцами, и тотчас все свободные официанты бросились подбирать разлетевшиеся листочки и, с извинениями, вынимать их из тарелок гостей, которым не повезло оказаться рядом с эпицентром взрыва.

– Так вы говорите, что с психиатрией у вас порядок? – как можно дружелюбнее спросил мистер Рок.

С несчастным видом Деказорье покачал головой.

– Исключения только подтверждают правила, мой дорогой. Эта дама городская сумасшедшая, и так у неё проявляются критические дни. Ну, вы понимаете, да?

Мистер Рок отрицательно покачал головой. Ресторатор посмотрел на него с жалостью.

– Ах, да, вы же... Впрочем, иные вещи лучше забыть навсегда. Но я объясню по-другому: это у неё такой выброс неудовлетворённых гормонов. Как доктор, вы должны это понимать.

Мистер Рок смущённо почесал нос.

– А что там, в этих листочках, написано? – спросил он, чтобы сменить тему, потому что разговоры о собственной забывчивости стали уже надоедать.

К тому же, обратило на себя внимание то, что в разбросанные бумаги никто даже не пытался заглянуть. Гости с полным безразличием снимали их со столов и отдавали официантам, которые тоже не любопытствовали.

– Что написано? – переспросил Деказорье. – Да чушь какая-то! Призывы незамедлительно переменить жизнь.

– Зачем?

– Не знаю.

– А на что переменить?

– Не помню, – отмахнулся Деказорье. – Она так давно это делает, а мы так давно не читаем, что уже забыли. Впрочем, если вам интересно, то пожалуйста...

Он махнул официанту и, когда тот подошёл, взял одну из подобранных им листовок.

– Только сейчас не читайте, а то испортите себе пищеварение.

Совет ресторатора пришёлся кстати, потому что другие официанты, как раз, поднесли угощение. Или, точнее, всё то, что господин Деказорье считал лучшим в своём ресторане.

Мистер Рок посмотрел на количество и размеры порций, обречённо вздохнул и подумал, что, пожалуй, до самого до завтра, в отеле «Ахея» кормить будут одного лишь господина Валеами.

3.

Время в обществе господина Деказорье пролетело незаметно и очень приятно. Словоохотлив ресторатор был до чрезвычайности! Доверительно рассказал, что когда-то давно пытался писать романы и даже успешно, но, чем больше писал, тем меньше любил род людской, потому что из каждого своего персонажа пытался вытащить всё его нутро, а это, как выяснилось, дело грязное!

– Вы не представляете, до чего счастливы люди, которые, простите за тавтологию, в людях совсем не разбираются! Воистину, многие знания, многие беды! Я, к примеру, с успехом мог бы заменить аппарат доктора Рентгена. Помните такого? Нет? Ну и не надо! Я не так вреден для здоровья, зато знание людской натуры ужасно подорвало здоровье мне! Хотел, было, отделиться отдельно ото всех, жить отшельником и выращивать цветы, но... Что тут говорить, дорогой мистер Рок! Я француз. Я не могу без общества! Без дам, без флирта, без хорошего вина и сплетен! Это заведение, – он снова широко развел руками, – оказалось, как ни странно, настоящей отдушиной для такого, как я! Разумеется, в большом городе и речи быть не могло, но здесь, в Мидегоде, просто идеально! День и ночь я наслаждаюсь, высматривая людские стра-

сти за показными масками и мог бы писать романы прямо людьми, а не чернилами, но я этого не делаю. Просто сижу в первом ряду этого великого театра и смотрю бесконечный сериал в прямой трансляции...

Для примера он рассказал мистеру Року краткие биографии всех, сидевших в тот момент в зале, и нагородил столько всевозможных подробностей, что к концу обеда всё это слиплось в голове мистера Рока в один ком ненужной информации, который не задерживаясь, прокатился по его пустующей памяти и присоединился ко всему забытому без надежды быть когда-то оттуда извлечённым.

Слегка утомлённый и разговорами, и едой, мистер Рок вышел на улицу, когда уже совсем стемнело. Господин Деказорье рвался проводить, но уступил, потому что гость сказал, что должен самостоятельно изучить город. Кто знает, сколько здесь придётся прожить.

Прохожих на улице почти не было, что оказалось кстати, поскольку бургундское, действительно, было прекрасным, но за разговорами выпито его было больше, чем требовалось для уверенной походки. Из-за этого же, наверное, вид достопримечательного колодца вызвал страстное желание выпить просто воды. С хмельной решимостью мистер Рок полез за ограждение, абсолютно уверенный, раз есть колодец, то найдётся и вода, и тут заметил с другой стороны фигуру девушки с ведром.

Почему-то всё это вместе – колодец, ведро и девушка – увязались у него в то действие, что девушка из колодца воды уже набрала, и можно попросить у неё глоток, а не рисковать жизнью, пытаясь добыть воду самостоятельно.

С радостным возгласом мистер Рок заторопился к девушке, но покачнулся и упал. Из бокового кармана пальто вывалились деньги, и он подумал, что так и не купил кошелёк... Отчего-то сделалось грустно. А тут ещё и девушка эта подбежала, стала поднимать, как маленького, или больного, или..., ну да, пьяного...

– Я выпил..., простите, – пробормотал мистер Рок.

– Ничего, – сказала девушка, – вы ведь немного... Зато вы здесь...

– Да...

Он встал на ноги и принялся отряхивать полы пальто, а девушка сняла с рук варежки, чтобы ими отряхнуть его сзади. В темноте он не рассмотрел её лицо. Впрочем, и она явно приняла его за кого-то другого, потому что, когда он немного смущённо спросил, как её зовут, вдруг отпрянула.

– Вы разве не местный?!

Мистер Рок нагнулся, чтобы подобрать деньги и пробормотал, что да, он тут недавно.

Тогда девушка довольно бесцеремонно развернула его к фонарю, заглянула в лицо и страшно побледнела. И мистер Рок, надо заметить, тоже вздрогнул. Лицо девушки оказалось юным и прекрасным, но у него мороз пробежал по коже, потому что оно было ещё и **ЗНАКОМЫМ!**

4.

«Нет, этого не может быть!», – думал мистер Рок всё то время, пока шёл к отелю. Хмель его давно испарился, как и девушка, которая, конечно же, ничего объяснять не стала!

Хотя, что она могла объяснить?

Когда первый взаимный испуг прошёл, она нервно засмеялась, сказала, что приняла его за другого. Потом добавила, что не ожидала встретить человека незнакомого и потому так испугалась. Потом добавила ещё, что к ним в город в такое время обычно никто не приезжает... А сама при этом всё смотрела и смотрела ему в лицо, как будто тоже вспоминала...

Мистер Рок, конечно же брякнул, что где-то её видел. И в глазах её после этого что-то появилось... Ах, чёрт, ведь было же что-то в её глазах такое, что он уже видел!.. Вчера! У Мебиса! А утром сегодня беспамятное сознание определило это «что-то», как надежду!

Но девушке-то этой на что надеяться?! Что он её вспомнит? Но почему бы тогда прямо не сказать: ты тот-то и такой-то, а я такая-то?! Может, этого хватило бы для проклятого мешка, и он выскочил бы, наконец, из-под своей коряги со всем забытым содержимым!

Но девушка только покачала головой, тихо и твёрдо сказала: «Нет, вы меня не видели», а на повторный вопрос об имени с каким-то странным вызовом, чуть не по слогам, ответила: «Тамри Гара».

И в этот момент наваждение прошло.

В доме, недалеко от которого они стояли, зажглось окно и осветило её лицо. И с той минуты, как ни всматривался мистер Рок, он уже не мог уловить того узнавания, которое поразило его в первый миг.

Девушка молча забрала ведро и ушла, тяжело скрипя снегом, а он всё стоял и стоял, переживая и потряхивая головой, то ли для того, чтобы прогнать, то ли вернуть это странное, пугающее, но, в то же время, такое чудесное состояние узнавания! Но оно уходило, ускользало, и лезло вместо него сравнение, «как сон»...

Однако, чёрт его подери, ведь несколько первых мгновений после того, как посмотрел в её лицо, были мгновениями абсолютного узнавания, и от этого теперь не отделаться!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

К отелю мистер Рок подошёл по совершенно опустевшим улицам, и, если бы не посмотрел на часы, которые показывали не самый поздний час, решил бы, что уже наступила ночь.

На сей раз «де-жа-вю» не вышло, потому что входная дверь в «Ахею» была приоткрыта, и не пришлось звонить и дожидаться, когда шаркающий Луисс ему откроет. Зато из двери тянулся слабенький дымок, и, хотя гарью не пахло, в сочетании с приоткрытой дверью это выглядело волнительно.

– Что-то случилось? – спросил мистер Рок, входя и закрывая за собой.

– Ой, ой не закрывайте! – тут же заволновался перепачканный сажей Луисс, который возился возле камина. – Тут что-то с заглушкой... Хотел протопить хорошенько, а весь дым сюда пошёл, вот мы и открыли дверь, чтобы выветрилось... К тому же, я перестарался, слишком натопил, теперь жарко.

В гостиной, действительно, было душновато. Мистер Рок, узнав, что волноваться не о чем, хотел было сразу подняться к себе, но тут заметил сидящего в кресле, вполоборота к нему, господина с газетой. В позе господина тоже померещилось что-то знакомое, и мистер Рок мысленно проклял знаменитое бургундское из бара Деказорье, которое, похоже, действовало на него странным образом.

– Позвольте представить вам господина Валеами, – чуть согнулся в сторону кресла Луисс. – Он помощник нашего мэра и ваш новый сосед...

Хотел ещё что-то добавить, но не успел. Господин из кресла свернул газету и, встав, повернулся к мистеру Року.

– Я сам представляюсь, дорогой Луисс, занимайтесь дымоходом.

Вот теперь ошибки быть не могло! Гладко выбритое, ухоженное лицо, которое давно бы прокисло от навеки прилепившегося к нему ироничного выражения, типа, «Я знаю больше вашего», идеальная, волосок к волоску, причёска, ладно сидящий костюм, какая-то совершенно государственная статья... Это лицо и этого человека мистер Рок знал! Сегодня утром он видел его в телевизоре! Тот самый сытый леопард, который так небрежно, двумя соединёнными пальцами, подмял под себя бестолковую политическую дискуссию. Потому и поза показалась знакомой!

– Кил Валеами, – сказал леопард подходя и протягивая руку.

– Игрек Рок.

Рукопожатие ожидалось стальным, но вышло на удивление мягким и податливым, хотя это была та же самая рука, которая утром дирижировала целой толпой орущих политиков

– Как добрались? Благополучно? – с почтительной отстранённостью спросил мистер Рок.

И, заметив недоумённый взгляд господина Валеами, качнул головой в сторону телевизора.

– Сегоня утром видел вас тут, в каком-то шоу.

Господин Валеами, всё ещё не понимая, обернулся на телевизор, но тут же сообразил и рассмеялся.

– Это была запись, – сказал он. – На прошедшей неделе ездил, консультировал, хотя и не люблю делать это у всех на виду. Но иногда, в ситуациях особо критичных, приходится, а они теперь так часты, что скоро, кажется, привыкну.

– В мире что-то неладно? – светским тоном осведомился мистер Рок.

– В мире всегда неладно, – в тон ему ответил господин Валеами. – Поэтому я и выбрал себе самое востребованное поле деятельности... Но, что это мы с вами стоим? Да ещё в дверях... Думаю, вы уже догадались, что я сидел здесь, дожидаясь вас, и не откажете в беседе, хотя бы недолгой.

– Не откажу.

– Знаю.

Господин Валеами улыбнулся, чуть ли не застенчиво.

– Вы ни за что бы мне не отказали, потому что каждый встречный советует вам быть для всех предельно приятным, не так ли? Можете не отвечать, я это знаю наверняка. Но передо мной стараться не нужно.

Он, наполовину по-дружески, наполовину покровительственно, похлопал мистера Рока по плечу.

– Давайте, чтобы не мешать нашему почтенному Луиссу, поднимемся на второй этаж, да?

И не дожидаясь ответа первым пошёл к лестнице.

Мистер Рок взглянул на Луисса, ожидая увидеть хоть какое-то участие с его стороны, одобрение, предостережение, дружеское подмигивание, в конце концов! Но Луисс возился с камином, в который почти полностью залез. Пришлось поторопиться, чтобы догнать широко шагающего господина Валеами.

– Хотите осмотреть мой номер? – спросил помощник мэра, когда они поднимались.

Мистер Рок ответил не сразу. С одной стороны, хотелось честно сказать, что он ужасно устал и охотнее поговорил бы завтра, тем более, что они теперь соседи. Но с другой, ему самому эта беседа была ужасно интересна. Вот только стоило ли идти к господину Валеами? В том случае, если разговор окажется пустой болтовнёй, он может не найти предлога, чтобы сбежать к себе и лечь спать, а просто встать и уйти будет, пожалуй, грубовато.

– Думаю, это не совсем удобно, – проговорил мистер Рок, стараясь, чтобы в его интонациях не прозвучали отголоски мыслей. – Я ещё не освоился со своим новым положением, порой чувствую себя скованно, особенно на чужой, так сказать, территории... Посидим лучше в холле. Чудесные кресла, освещение неяркое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.